100- летию партии
социалистов-революционеров и
200-летию МВД России посвящается….

Г.А. САЛТЫК

НЕОНАРОДНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ: 1901 – 1923 ГГ.

Москва

«Прометей»
2002

УДК 947:908
ББК Т 3(2) 61: Д 891
С 16

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор А.Ю. Другговская;
доктор исторических наук, профессор В.В. Зверев;
доктор исторических наук, профессор В.П. Пашин;
доктор исторических наук, профессор С.В. Леонов;
доктор исторических наук, профессор Л.Г. Косулина.

Салтык Г.А. Неонароднические движение Черноземного Центра России: 1901-1923 гг. Монография / Москва: Изд-во "Прометей", МПГУ, 2002. – 575 с.

На основе широкого круга архивных источников, включая документы из ранее закрытых фондов, рассматриваются основные положения неонароднической доктрины, ее воздействие на становление и эволюцию революционных организаций Черноземного Центра России (Воронежской, Курской и Тамбовской губерний) в первой четверти XX в. В монографии исследуются такие важные вопросы как эсеровский террор, деятельность партий неонароднического направления среди крестьян, рабочих, солдат, учащихся, учителей, затрагиваются вопросы структуры, численности, социального состава, тактики местных неонароднических организаций в 1901-1923 гг. Особое внимание уделяется ранее неисследованным проблемам возникновения и деятельности в Центральном Черноземье таких политических партий как народные социалисты, ПРК, ПНК, МПСР, ССРМ, тактике большевиков по отношению к партиям неонароднического направления. В приложении к книге собраны сведения о 146 наиболее активных лидерах неонароднического движения региона.

ББК Т 3(2) 61: Д 891

ISBN 5-94845-029-5

© Салтык Г.А., 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....5
ГлаваI. Социальная доктрина неонародничества
1.Понятия «капитализм и «социализм» в неонароднической доктрине.....57
2. Теория классов и государства.....67
3. Неонароднические представления о российской государственности.....76
4. Национальный вопрос в концепции неонародников.....85
5. Аграрная программа неонародников.....94
Глава II. Зарождение неонароднического движения в губерниях Черноземного Центра России
1. Становление неонароднических организаций.....110
2. Деятельность неонародников Центрального Черноземья в 1902-1904 гг.....126
Глава III. Основные направления работы неонароднических организаций в годы первой российской революции (1905-1907 гг.)
1. Организационное оформление неонародников ЦентральногоЧерноземья.....146
2. Основные направления работы неонародников.....162
3. Думская тактика неонародников Центрального Черноземья.....195
4. «Местный террор». Эсеры-максималисты.....211
Глава IV. Неонародники Центрального Черноземья в период между буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.)
1. Состояние неонароднических организаций после поражения революции.....223
2. «Местный террор» в 1907-1916 гг. 255
3. Деятельность «секретных» сотрудников ГЖУ среди неонароднических организаций Центрального Черноземья....264
4. Эсеры Центрального Черноземья в ссылке и на каторге.....272
Глава V. Возрождение, организационное оформление и деятельность неонародников Центрального Черноземья: февраль 1917 г. – июнь 1918 г.
1. Народные социалисты.....282
2. Социалисты-революционеры.....293
3. Аграрная программа неонародников и ее реализация в Центральном Черноземье.....303
4. Раскол в партии социалистов-революционеров: правые и левые эсеры.....318
5. Участие неонародников Центрального Черноземья в формировании местных органов власти.....334
6. Борьба между партиями в конце 1917 г. – первой половине 1918 г.....355

Глава VI. Неонародники Центрального Черноземья во второй половине 1918 – 1923 гг.
1. Теоретические воззрения лидеров неонароднических партий 20-х гг. 382
2. Положение неонародников ЦЧР во второй половине 1918 года....394
3. Народники-коммунисты и революционные коммунисты...408
4. Социалисты-революционеры....428
5. Борьба большевиков с социалистическим инакомыслием в Центральном Черноземье (1921-1923гг.). 442
Заключение....463
Использованные источники и литература....478
Приложение....508

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в начале XXI в., Россия находится на этапе системной трансформации общественных отношений, поиска типа развития и оптимальных для страны путей общественного прогресса. Это требует оценки и творческой переоценки накопленных отечественной общественной и политической мыслью представлений о месте России в мире, о выборе наиболее эффективной модели ее переустройства на демократической основе. Подобный переломный период Россия переживала и в начале XX в. В это время решался вопрос о формах, методах и средствах модернизации страны. К 1917 году стало ясно, что ни самодержавие и поддерживавшие его консервативные силы, ни либеральная буржуазия не способны были к ее осуществлению. Народным массам нужна была идеология, которая не только призывала бы их решительно разделаться с ненавистными им существующими порядками, но и обещала бы им рай земной если не сразу после переворота, то, по крайней мере, в недалеком будущем. Таким потенциалом в то время обладала социалистическая идея.

Ее носителями выступали, прежде всего, представители направления, традиционно называвшегося неонароднические. В теории и политической платформе они сумели соединить элементы народнического социализма и крестьянской утопии. И в то же время ориентация в основном на крестьянство и первоочередное решение аграрного вопроса определило силу и популярность неонароднических партий в революционные годы.

Стремясь к захвату власти, неонародники постарались обосновать преимущества своей модели государственного устройства. С этой целью ими был достаточно подробно проанализирован политический аспект программных положений в области строительства социализма, государственного устройства, права, международных отношений, отношений собственности. Предлагавшийся ими путь преобразования России получил поддержку значительной, а в 1917 году, пожалуй, преобладающей части российского общества, о чем свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание.

С деятельностью партий неонароднического направления тесно связан и целый ряд сложных политических, а также социально-экономических процессов в истории России после Октября 1917 г.: формирование политической оппозиции в стране, возникновение и эскалация гражданской войны, складывание в Советской России однопартийной системы. Широко известна роль неонароднических идей в аграрной революции 1917-1918 гг., влияние их экономической платформы на смену курса РКП (б) в 1921 г.

значительный материал по истории политических партий начала XX века, в том числе и по истории неонароднических организаций. Они содержат также интересные данные о видных деятелях политических организаций. Главным недостатком этих работ является отсутствие определенной методологической позиции, что создает впечатление аморфности и неопределенности. Одни авторы, на словах отмежевываясь от марксистской методологии, но, не имея ничего иного, на деле следуют ей; другие – создают нечто бессистемное; третьи – лишь слегка лакируют свои вполне ортодоксально марксистские воззрения.

Расширению объема фактических знаний способствовало открытие доступа к архивным фондам, публикация источников эсеровского происхождения, среди которых следует отметить 3-х томное издание «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы»[32].

На наш взгляд, заслуживает внимания работа И.Н. Киселева, А.П. Корелина, В.В. Шелохаева[33]. На основе разработанной ими методики ученые составили сводные таблицы численности, социального состава и территориального размещения пяти основных типов общероссийских партий в 1905-1907 гг. (РСДРП, эсеры, кадеты, октябристы, черносотенцы). Исследование этих вопросов дает возможность проследить связь между уровнем социально-экономического развития того или иного региона и расстановкой в нем партийных сил, установить соотношение между состоянием партийной и районной структуры населения, выявить зависимость расстановки партийных сил от интенсивности классовой борьбы.

С начала 90-х гг. в отечественной периодике стали публиковаться статьи, выражающие широкий спектр мнений и затрагивающие различные стороны истории неонароднических политических партий. А. И. Разгон и Л.М. Овруцкий, кроме написания журнальных статей публицистического характера[34], приняли участие в подготовке разделов для сборников по

[32] См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. М., 1996.

[33] См.: Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905-1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4 С. 71-87.

[34] См.: Разгон А.И., Овруцкий Л.М. Левые эсеры. // Наука и жизнь 1991. № 4. С. 64, 74; Овруцкий Л.М. , Разгон А.И. Понять дух «6 июля» // Отечественная история. 1992. № 3. С. 49-61.

истории политических партий и становлении советского государства[35].

Появились первые работы по специализированным проблемам истории ПСР: Еремина А.И. – о возникновении партии эсеров, Р.А. Городницкого – по Боевой организации, Л. Протасова – эсеры и Учредительное собрание, М.И. Леонов и К.Н. Морозов – о деятельности ПСР в 1905-1907 и 1907- 1914 гг. и т.д.[36]

Методологически своеобразным являются труды М.И. Леонова[37], в которых автор предложил оригинальную для отечественной историографии концепцию исторического развития России и через ее призму рассматривал проблему возникновения эсеровского движения. Внутренний конфликт России начала XX века он видел в несовместимости двух цивилизационных систем: агрессивного технологического бытия европейски образованной части общества и космологического бытия традиционалистских низов. С его точки зрения, эсеры, в отличие от социал-демократов, предлагали путь развития на основе традиционной, восточно-христианской земледельческой модели. Автору удалось показать некоторые тонкости социальной концепции эсеров. Так, по его мнению, крестьянская община, традиционно считавшаяся ядром эсеровских построений, действительно рассматривалась как существенное звено будущего социалистического общества, но функционально постепенно сближалась с кооперацией. Как утверждает Леонов, в годы революции возникло мнение, что «община не может рассматриваться как единственное и непременное средство переустройства сельского хозяйства»[38]. Однако трудно согласиться с мнением автора о ненадежности и, главное, недостаточной представительности данных, которыми располагала политическая полиция. К ним, конечно же, надо

[35] См.: Первое Советское правительство. / А.И. Разгон и др. М., 1991; История политических партий России / Н.Г. Думова и др. М., 1994.

[36] См.: Протасов Л. Хозяин земли русской // Родина. 1990. № 10. С. 101-105; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 144-147; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998.

[37] См.: Леонов М.И. Указ. Соч.

[38] Там же. С. 3-6, 97.

относиться критически. Но, вместе с тем надо учитывать и то, что эти материалы содержат уникальную информацию не только о профессиональной и сословной принадлежности эсеров, но и о возрасте, этническом происхождении, конфессии, образовании, семейном и материальном положении членов партии социалистов-революционеров.

Монография К.Н. Морозова стала заметным явлением в отечественной историографии ПСР. Здесь автор предложил свою нетрадиционную периодизацию истории партии эсеров: протопартия (1902-1905 гг.), массовая нелегальная партия (1906-1909 гг.), атомизированная эсеровская среда с тенденциями к интеграции (1910-февраль 1917гг.), массовая легальная партия (1918-1920-1921 гг.), и вновь эсеровская среда, существовавшая на свободе и в тюрьмах (вплоть до почти полного физического уничтожения эсеров). Более того, автор сформулировал новые концептуальные положения. Так, рассматривая основы функционирования центрального аппарата ПСР, автор выдвинул положение «о коллективном лидере», своего рода эсеровской элите, которая и смогла сплотить все наиболее здоровые партийные силы и пресечь появлявшиеся время от времени центробежные тенденции. Можно согласиться с К.Н. Морозовым в том, что центризм и явился платформой, на которой фактически сошлись представители разных оттенков эсеровской мысли. Нельзя не отметить, что автор склонен видеть в существовании сплоченной группы партийных лидеров скорее позитивную, чем негативную основу для генезиса и развития внутрипартийных отношений.

В исследовании К.Н. Морозова дается реальная картина состояния многих местных организаций ПСР. Именно там, по мнению автора, шли глубинные процессы, которые решили судьбу партии в целом, именно оттуда она черпала руководящие кадры. И наоборот, кризис в местных организациях – уход интеллигенции, нехватка партийных функционеров, развитие «шпиономании» и «провокаторофобии» - незамедлительно ударял рикошетом по всем эсеровским структурам сверху донизу, и разрушал, быть может самое важное – нравственный состав партийной работы. Автору удалось эти процессы зафиксировать, проанализировать и на основании этого анализа дать новую концепцию затухания деятельности ПСР в противовес прежним, во многом формально ссылавшихся на поражение революции 1905-1907 гг. и усиление правительственных репрессий. В книге предпринята вполне реальная попытка показать, что же представляла собой субкультура этого эсеровского сообщества, какова была психология входивших в него людей. В монографии четко проводится мысль, что одна из главных причин неудач ПСР на исторической арене кроется в распаде связей внутри самой

партии. В девальвации человеческих отношений и дружеских контактов, в страхе перед провокацией на всех уровнях и во всех партийных структурах.

В целом, с выходом работ М.И. Леонова и К.Н. Морозова наконец был ликвидирован пробел в истории партии социалистов-революционеров с 1905 по 1914 гг. На большом фактическом материале авторам удалось исследовать разные стороны и аспекты жизнедеятельности партии. Они проанализировали организационное состояние, причины и тенденции трансформационных процессов в местных и центральных организациях, взгляды внутрипартийных группировок, тактические и идейные поиски, террористическую практику и т.д.

Дополнением к вышеназванным работам является статья О.В. Серова, в которой рассматривается процесс формирования Южной партии социалистов-революционеров[39]. По мнению автора в конце 90-х гг. XIX в. неонародничество уже представляло довольно крупную политическую силу, и для них первоочередной задачей стало объединение разрозненных организаций в единую партию. Серов считает, что, как и у социал-демократов, первый съезд Южной партии эсеров, проходивший в 1897 г. в Воронеже, положил начало деятельности партии, а не стал ее результатом. При этом историк уделяет большое внимание первому программному документу Южных эсеров – «Манифесту ПСР», автором проекта которого был лидер воронежских неонародников А.О. Сыцянко. Оценивая роль этого документа Серов, отмечает, что для эсеров «Манифест стал шагом вперед от народнической теории к новой идеологии»[40].

Конец XX века, как и его начало, ознаменовался волной террористических актов. А поскольку самые грозные теракты начала столетия были связаны с БО ПСР, то тема эсеровского террора стала одним из главных сюжетов исследований истории партии социалистов-революционеров[41].

---

[39] См.: Серов О.В. О так называемой Южной партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. № 1. С. 46- 60.

[40] Там же. С. 52.

[41] См.: Чанцев А.В. Каляев // Русские писатели. 1800-1917. Т.2. М., 1992. С 447-448; Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров. 1909-1911 гг. // Россия и реформы: Сборник статей. Вып. 2. М., 1993. С. 94-113; Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 179-183; Павлов Д.Б. Предисловие // Письма Азефа. 1893-

публикаций и вовлечение в научный оборот источников, использование которых ранее было затруднено или невозможно. В их свете началось активное изучение причин политической гибели ПСР, судеб членов партии в 1920-30-е гг., истории эсеровской эмиграции. При этом Суслов подчеркнул, что этот процесс идет на двух уровнях – региональном и общероссийском, что создает необходимую основу для подготовки крупных обобщающих работ по истории ПСР в 1917-1930-е годы.

Вместе с тем в оценках деятельности неонароднических партий, особенно публицистического характера, наметилась другая крайность: некоторые авторы, по-видимому, в соответствии с новой политической ориентацией, не утруждая себя выявлением и тщательным изучением документов, стремились возложить главную вину раскола в социалистическом блоке в 1918 г. исключительно на большевиков, представив левое течение «пасынками революции», жертвами большевистского террора, развязанного сразу же после Октябрьского переворота. Этот подход также давал упрощенную картину развития событий и не более[60].

Значительный интерес представляет вышедшая в это время монография Д.Б. Павлова, посвященная истории борьбы большевистского режима с российскими социалистическими партиями и анархистскими организациями с 1917 до середины 1950-х годов[61]. В работе рассматриваются механизмы и "идеология", основные этапы, направления и результативность этой борьбы, методы и организация работы репрессивных органов, правовая база репрессий. Автор опирается как на вновь открытые документы центральных партийных и государственных органов, так и на источники, широко привлекавшиеся в советской и историко-партийной литературе. Взятые в совокупности с первыми, эти традиционные материалы получают совершенно иное прочтение и позволяют прийти к выводам, принципиально отличным от заключений советской историографии. В итоге Д.Б. Павлов приходит к выводу о том, что однопартийная диктатура исключала не только деятельность, но и возможность самого существования других, даже социалистических партий. Нетерпимым для нового

[60] См.: Литвин А. «В борьбе обретешь ты право свое!» Судьба самой многочисленной партии Росси // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 20-27; Разгон А., Овруцкий Л. «В борьбе обретешь ты право свое!» левые эсеры // Там же. № 4. С. 66-74; Политические деятели России. 1917. М., 1993 и др.

[61] См.: Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999.

режима был не только сам факт наличия рядом с ним других политических образований, но и то коренное отличие, которое имелось между большевиками и социалистами по таким вопросам, как «революция», «демократия», «диктатура пролетариата» и т.д.

Продолжалось изучение истории других неонароднических партий. Так, первым комплексным исследованием народно-социалистической партии в 1907-1917 гг. является монография А.В. Сыпченко[62]. В ней на основе широкого круга источников всесторонне освещены и проанализированы численность, социальный состав, организационное состояние партии энесов и ее местных организаций, издательская деятельность, источники финансирования НСП; по-новому рассмотрена социальная доктрина и характер тактики партии; выявлены коррективы, внесенные в них в результате осмысления энесами новых явлений общественного развития России; впервые дан анализ деятельности энесов в годы первой мировой войны; вскрыты причины так называемого «организационного кризиса» НСП в соотношении с явлениями, характерными для всех народнических партий.

Деятельности неонароднических партий, появившихся в Советской России 20-е годы, их взаимоотношениям с РКП (б) посвящена статья А. Литвина и Л. Овруцкого[63]. В ней, в частности, подчеркивалось, что революционные коммунисты и народники-коммунисты за время существования партий ощущали давление со стороны РКП (б), что и привело в дальнейшем к исчезновению как ПНК, так и ПРК с политической арены. При этом исследователи отметили, что «побудив партии революционных коммунистов и народников-коммунистов к отказу от самостоятельности, большевики лишили целые социальные слои возможности открыто заявлять о своих особенных интересах, а себя – лояльных и доброжелательных оппонентов».

До недавнего времени не был исследован в полной мере весь комплекс документальных источников, рассматривающих историю группы «Народ» в аспекте ее взаимоотношений с ЦК ПСР. Этот пробел был существенно заполнен появившейся в 2000-м году монографией А.Ю. Суслова[64], один из разделов которой посвящен данной проблеме. Автору удалось показать отношение ЦК ПСР к оппозиционным фракциям и течениям в

[62] См.: Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907-1917 гг. М., 1999.

[63] См.: Литвин А., Овруцкий Л. Отколовшиеся // Родина. 1990. № 4. С. 28-33.

[64] См.: Суслов А.Ю. Указ. соч. С. 38-41.

независимое крестьянское движение»[70]. Ю.Г. Фельштинский в интерпретации событий больше ориентировался на политических противников большевиков, доверяя преимущественно их источникам. В отличие от Р. Пайпса и других историков, он считал июльское выступление левых эсеров провокацией большевиков.[71].

Интересны выводы других зарубежных исследователей. Так, О. Анвайлер[72] заметил, что разногласия членов ПЛСР с большевиками, начавшиеся в период ратификации Брестского договора, обострились из-за споров «по аграрной политике и введению смертной казни», что привело к расколу в правительственном блоке. По мнению О. Фиджеса[73], при заключении соглашения с левыми эсерами в октябре большевистские лидеры видели в них не равных партнеров, а маскировку своих намерений захватить власть. Историк считает, что летом 1918 г. левые эсеры «менее интересовались захватом власти, чем призывом к народному восстанию» с целью «заставить большевиков изменить их политику».

Л. Прайсман и Н. Шлейфман (Израиль) значительное внимание в своих статьях уделили фигуре Евно Азефа. Так, Прайсман считает, что острота еврейского вопроса в дореволюционной России была для Азефа толчком, ускорившим его решимость устранять из правительства антисемитски настроенных государственных деятелей[74]. В своих статьях Прайсман подробно останавливается на основных вехах биографии Азефа, и на тех последствиях, которые имели место в результате разоблачения Азефа и в рядах ПСР, и в самой

---

[70] См.: Пайпс. Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 206

[71] См.: Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.,1992. С.467-468.

[72] См.: Anweiler O.The Russian WorkersPeasants and Soldiers Councils, 1905-1921 /Translate Figes O. People s Tragedy: A History of the Russian Revolution. N. Y.,1997. p. 468, 480, 634.from German by R. Hein. N. Y., 1974, p. 199.

[73] См.: Figes O. People s Tragedy: A History of the Russian Revolution. N. Y.,1997. p. 468, 480, 634.from German by R. Hein. N. Y., 1974, p. 199.

[74] См.: Прайсман Л. Евно Азеф – глава Боевой организации партии социалистов-революционеров // Исторические судьбы евреев в России и СССР: Начало диалога: Сб. статей. М., 1992. С. 102-114; Его же: Феномен Азефа // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С. 65-75.

системе карательных органов Российской империи. Представляется, что исследования Прайсмана фактологически точны и подробны, однако им присущ существенный недостаток – на них лежит отпечаток незнакомства автора с архивными материалами.

Интересна в исследовательском плане работа немецкого историка Лутца Хефнера[75]. В труде содержится обширный материал о функционировании центральных, региональных и местных организаций, их социально-демографический состав, строение партаппарата, финансовое положение ПЛСР, состояние партийной прессы. Автор представил действительно портрет партии, чье принципиальное отличие от идейного течения или литературной группы, заключается как раз в наличии определенной структуры.

В целом, работы зарубежных историков привлекают независимостью суждений, обоснованностью выводов, разработкой "узких" проблем и тем, взвешенностью и объективностью в суждениях и оценках. Эти достижения, несомненно, явились итогом эволюции западной историографии. Однако специальных работ о неонароднических организациях в 1901-1923 гг. в зарубежной историографии нет.

В отдельную группу следует выделить литературу, в которой исследуется деятельность региональных организаций. Провинциальными историками, изучавшими историю эсеровского движения применительно к собственному региону, было выявлено много нового фактического материала. Значительная часть этого материала, из-за слабого знакомства с краеведческими изысканиями, остается невостребованной до сих пор в центральной исторической печати.

Историей формирования региональных эсеровских групп Сибири в ранний период существования ПСР являлись А.Л. Афанасьев, М.И. Казанцев, А.А. Каминский, А.Е. Плотников, Э.И. Черняк, М.В. Шиловский; Урала – И.С. Капцугович, Н.И. Плотников, М.Г. Суслов; Поволжья – М.И. Надеева, М.И. Леонов; Белоруссии – В.И. Солошенко и др.[76]

---

[75] Хефнер Лутц. Партия левых социалистов-революционеров в русской революции 1917-1918 гг. Труды по восточноевропейской истории. Т. 18. Koln – Weimar – Wien, 1994.

[76] См.: Афанасьев А.Л. Деятельность эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905-1907 гг. // Классы и партии в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977; Казанцев М.И. Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905-1907 гг. // Из истории социально-

В специально выпущенном по поводу этих событий экстренном номере «Революционной России» уже говорилось о необходимости вывести работу в деревне, ранее носившую преимущественно кружковой характер, «на широкую арену массовой агитации». И если до этого времени работа в деревне, по образному выражению эсеров, переживала период тепличного «взращивания», то теперь, когда «и в толщах крестьянства, почва уже во многих местах оттаяла, пора широко разбрасывать революционные семена на вольные пол». Поэтому «воздействие наше (эсеров) на крестьянство, - говорится далее в обращении эсеров, - должно развиваться не только в глубь, а и вширь»[126]. События 1905-1906 гг. показали, что «крестьянство, - этот, не имеющий, как еще недавно представлялось многим, социального значения, исторический обломок, - в действительности оказалось далеко еще не выветрившимся, и не потерявшем своей связности громадной глыбой, способной в своем движении произвести целую социальную катастрофу», - отмечал В.М. Чернов[127].

И все же, несмотря на заметную эволюцию взглядов эсеров в сторону перемещения центра партийной работы из города в деревню, они по-прежнему говорили о пролетариате как об одном из основных объектов своего воздействия. Безусловно, городские рабочие жили лучше, чем крестьяне. Но их уровень жизни был ниже, чем западноевропейского пролетариата. Российские рабочие не имели гражданских и политических прав; отсутствовали и законы, предусматривавшие улучшение их положения. В связи с этим любые выступления экономического характера приводили, как правило, к столкновению с властями, перерастали в политические.

Признавая тот факт, что своей численностью пролетариат уступал крестьянству, эсеры справедливо полагали, что он превосходил его своей концентрированностью в культурных и политических центрах страны, что он был «наиболее подвижным, активным и агрессивным общественным классом», постоянной и самой серьезной опасностью для правившего режима. Эсеры особо подчеркивали связь русских рабочих с деревней, видели в ней одну из основ классового «рабоче-крестьянского единства».

Их точку зрения разделяли и народные социалисты. Они также считали, что трудовое крестьянство и пролетариат одинаково заинтересованы друг в друге; у первых заработная плата определяет, в конечном счете «уровень его

[126] Революционная Россия. 1902. № 8. С. 11.

[127] Чернов В.М. Аграрная проблема в связи с крестьянским движением. СПб., 1906. С. 51.

благосостояния»; пролетариат не менее заинтересован в земле, которая «служит для него опорой в экономической борьбе». «Лишь опираясь на землю, русский рабочий класс может дать ей (революции) направление, которое обеспечит для него возможность целесообразно распределять свои силы и планомерно защищать свои интересы, - писал А. Пешехонов. И далее он восклицал: «Вся земля и вся воля всему трудовому народу – таковы основные … положения нашей программы»[128]. «Никакого антагонизма между рядовым крестьянином и деревенским пролетарием, между крестьянскими и рабочими нуждами незамечено», - продолжал Пешехонов[129].

Помочь пролетариату и трудовому крестьянству осознать себя единым рабочим классом, по убеждению эсеров, должна была интеллигенция. Именно она «способна была подняться над сегодняшним днем, в состоянии определить будущее класса», как никто другой «могла организовать его и руководит его повседневным поведением во имя будущего». По эсеровским представлениям, интеллигенция была самостоятельной социальной категорией; она склонялась в сторону того класса, который более всего выражал интересы общественного развития.

Теоретики неонародничества уделяли большое внимание интеллигенции. Так, С. Елпатьевский в своих размышлениях «По поводу разговора о русской интеллигенции» отмечал следующее: «В начале XX века одни считали, что русская интеллигенция «есть либеральная буржуазия», другие утверждали, что «она является надстройкой над привилегированными классами России, выразительницей их классовых интересов», третьи верили в то, что русская интеллигенция «есть оторванные от жизни, отбившиеся от всяких классов теоретики, вращающиеся в сфере бесплодных теоретических начал, отрицающие истинно русские начала и руководимые …Западом…»[130]. И далее Елпатьевский подчеркивал, что все прекрасно понимали, что «интеллигенция составляет образованную частью общества, прошедшую высшие учебные заведения». Это доктора, инженеры, юристы, профессора, художники и т.д. – главным образом люди либеральных профессий. Вместе с тем находились и такие, кто

[128] Пешехонов А. На очередные темы // Русское богатство. 1906, август. С. 192-193.

[129] Пешехонов А.В. Аграрная проблема в связи с крестьянским движением. СПб., 1906. С. 9.

[130] Елпатьевский С. По поводу разговора о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 57.

утверждал, что интеллигенция – «это все то, что разумеется под словом культурные люди, т.е. культурные классы населения».

По убеждению Елпатьевского, люди, принимающие эту формулировку, «в глубине души как-то инстинктивно отделяли интеллигенцию от образованной части общества, от культурных классов и либеральных профессий, разбирались в том, где и кто интеллигенция из двух людей с одинаковым социальным положением».

Какой же кардинальный признак в понятие интеллигенция вкладывали представители неонароднических партий России? Ее характерными качествами они считали знания, способность к созиданию, усвоению и пропаганде революционной теории, высокий уровень нравственной ориентации. «Интеллигенция, как идеологическая категория, характеризуется преобладанием в ее труде творческого начала, а творческое начало предполагает резко выраженную творческую индивидуальность и полную свободу ее выявления», - писал В.М. Чернов[131]. Неонародники подразделяли интеллигенцию на трудовую, социалистическую, и нетрудовую, либеральную. По их мнению, трудовая интеллигенция в России «всегда» была социалистической. Ее общественной функцией являлось «внесение социалистического идеала в массы» и их организация, определение пути борьбы. Нетрудовой интеллигенции отводилась роль носительницы идей либерализма. Российский же либерализм считался внеклассовым, интеллигентским течением, который «умеренно отстаивал чисто народные интересы», а с другой стороны, был связан с интересами русской буржуазии.

Интеллигенция (и студенчество), по теории эсеров, была внеклассовой политической силой. Ее возникновение, полагали они, было результатом имманентного движения духовной первоосновы, но никоим образом не следствием или отражением развития социально-экономической базы (как у марксистов).

Кардинальный признак интеллигенции неонародники видели в ее общественном характере, «не в одной лишь сумме знаний, а в наибольшей степени – в сумме сознания, не в каких-либо формальных, классовых … и других признаках, а в ее духовной сущности». Так, народный социалист С. Елпатьевский в статье «По поводу разговора о русской интеллигенции» утверждал, что «тот врач, для которого медицина ремесло, который является слесарем от медицины, не понимает привходящего в нее элемента, общественной миссии, не является гражданином в большом смысле этого слова, - не интеллигент, и тот адвокат, для которого чужды интересы, выходящие из рамок его слесарски-адвокатского дела и для

[131] Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 25.

которого «истина есть результат судоговорения», - не интеллигенция. И будет интеллигенция тот слесарь, который успел внешкольным путем добыть тот минимум знаний, без которого не возможно теперь миропонимание, и неустанно вырабатывает в своем сознании желательные нормы жизни трудящегося человека …». И далее С. Елпатьевский продолжал: «Ученый, художник, отдавший свою жизнь на дело науки и знания, на воплощение в мраморе, в слове, в красках, в музыке своих дум и чувств, тем самым, по самому чисто общественному характеру своей деятельности - интеллигент; но ученый, продавший свое научное первородство за сытную чечевичную похлебку, выходит из рядов интеллигенции, и тот писатель, который проповедует человеконенавистничество и вносит раздор национальностей в стране, будет прав, отгораживая себя от интеллигенции, потому что он не интеллигенция страны».

Неонародники были уверены в том, что народ отдельно взятой страны, «вне сословий, вне классов, не дипломами и рождением, выделяет из себя группу людей, думающих думами, болящих болями своей страны - свою интеллигенцию». По мнению теоретиков неонародничества интеллигенция может быть наверху общественной лестницы и быть фактически вождем своей страны, может не иметь определенного места на этой лестнице, может при известных условиях быть объявлена внутренним врагом. Но она всегда существует и всегда является выразительницей «общественной думы, общественного чувствования». Таким образом, для неонародников интеллигенция - «это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та вооруженная знаниями, руководимая общественными импульсами часть общества, которая в своих мыслях и чувствах, в своем миропонимании и в своем общественном поведении отправляется не от узких личных, групповых, профессиональных или классовых интересов, а от интересов страны вообще, народа вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся на всех разнообразных путях человеческого труда людей»[132].

Интеллигенцию неонародники считали надклассовой группой, полагая, что «несправедливо» и «нелепо» приклеивать к понятию интеллигенция ярлык класса, сословия, вывеску определенного партийного направления, поскольку «интеллигенция в своем миропонимании и общественном поведении руководствуется не узкими групповыми интересами,

[132] Елпатьевский С. По поводу разговора о русской интеллигенции. С. 59.

а интересами страны вообще, народа вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся»[133].

«Она внесословная, внеклассовая, и на ее знамени не написано никаких других классовых интересов, кроме интересов народа; она «не имеет права рождения; в ней нет права сословия, печати социального положения и нет давности, нет пенсии за выслугу лет», - писал С. Елпатьевский. Отношение понятия «классовая интеллигенция» к понятию «интеллигенция страны» в его понимании такое же, «как отношение так называемой профессиональной этики, морали отдельных общественных групп к морали вообще».

«Силой внеклассовой», или, правильнее, «межклассовой» интеллигенцию считал и лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов. При чем, по его мнению, это была сила, с которой приходилось считаться каждому. «Игнорировать ее (интеллигенцию – Г. С.) – значит закрыть глаза на действительность»[134].

Большое внимание неонародники обращали и на формирование так называемой народной интеллигенции, выделившейся из крестьянской среды. Эта интеллигенция способна была, по их мнению, сыграть значительную роль в общественной жизни, а именно в развитии местного самоуправления, и особенно если она объединится с «третьим элементом» земства. Так, А. Пешехонов отмечал, что «новая интеллигенция имеет те же характерные черты», какие были всегда присущи русской интеллигенции. Следовательно, по мнению теоретика партии, она поведет «все ту же линию в земском хозяйстве, какую вел в нем до сих пор «третий элемент». В связи с этим, «огромным фактором русской жизни» народные социалисты считали провинциальную интеллигенцию, которая нашла свое место «в области охранения народного здравия», «в земском и городском самоуправлении»[135].

Не обошли неонародники вниманием и «русскую интеллигентную женщину», выросшую свободно «от всяких узких темных окошек, жаждущей света и знаний». На нее неонародники возлагали большие надежды в деле политического просвещения народа[136].

---

[133] Елпатьевский С. По поводу разговора о русской интеллигенции. С. 60.

[134] Чернов В.М. Социалистические этюды. М.,1908. С. 332 – 343.

[135] Пешехонов А. На очередные темы. Земская дорога // Русское богатство. 1914. № 2. С. 340.

[136] Елпатьевский С. По поводу разговора о русской интеллигенции. С. 75.

[137] Пешехонов А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. С. 97 - 127; № 8. С. 132.

Полагая, что интеллигенция, является «неоплатным должником» народа, неонародники считали, что она должна была отдать «доставшиеся на ее долю, но действительно принадлежащие всему человечеству идейные силы борьбе за общечеловеческую правду, пробуждение классового, народного и человеческого самосознания в массах». В то же время они понимали, что между интеллигенцией и народом находится «стена», которую «еще только предстоит пробить». Поэтому неонародники стремились не возводить непреодолимую грань между ними. «На всех интеллигентных силах лежит великая обязанность принять самое деятельное участие в организации трудящихся масс, в формировании их нужд, в сплочении в одну трудовую армию»,– отмечали народные социалисты во втором варианте проекта программы партии. Так, А. Пешехонов был искренне уверен в том, что «в будущем, когда стена между народом и интеллигенцией будет пробита, роль последней в жизни деревни сделается громадной». Однако интеллигенция «уже сейчас» не должна «сидеть, сложа руки». По мнению лидера народных социалистов, она не может более существовать в виде какой-то особой, изолированной от жизни народа группы, а должна, наконец, «порвать свои связи с тем, во что давно изверилась и, подняв, возможно выше светоч истины и идеала, которым владеет, броситься в эти, до нельзя взволнованные, толпы». И далее, А. Пешехонов указывал на то, что рано или поздно неизбежно произойдет слияние народа и интеллигенции, так как интеллигенция внесет в народную среду «сознательную мысль», найдет в народе ту силу, которая воплотит, наконец, ее идеалы в действительность. «В этом слиянии интеллигенции и народа сейчас все наше спасение»,– восклицал А. Пешехонов. «Только слившись со своей интеллигенцией, русский народ обретет свои «действительные силы», и из «людской пыли» и «бессвязных толп» превратится в свободную и великую нацию»[137].

В целом, исходя из признания общих интересов всех трудовых классов, неонародники придавали равное значение степени их революционности. Все трудовые классы они считали в одинаковой степени социалистическими. По их мнению, разница заключалась лишь в том, «что на различных этапах исторического процесса на первый план в политической борьбе может выступать один из классов». При этом они подчеркивали, что сила трудового народа – «в тесном союзе трудовых классов». Таким образом, «большая приверженность» неонародников к демократии, в сравнении с социал-

демократами, объясняется в значительной мере их ориентацией не на один класс, составляющий меньшинство населения, а на народ в целом.

3. Неонароднические представления о российской государственности

Неонародники были сторонниками движения общества к социалистическому идеалу, причем именно движения, а не полного его практического осуществления. Одной из ближайших задач на пути достижения социалистического будущего они выдвигали свержение самодержавия. Большинство их лидеров считали, что в России должен быть установлен республиканский, демократический режим, который представит большие возможности для борьбы за построение социализма. «В нашей революции мы переживаем одновременно и революцию 1789 г. и революцию 1848 г. и эпоху Парижской коммуны», - отмечал В.М. Чернов. И дальше, лидер партии эсеров подчеркивал, что «социалистическое движение как движение более или менее массовое предшествует… водворению либеральных политических учреждений; социалистическая идея и выступающее ее носителем революционное меньшинство… предшествовало даже настоящему водворению капитализма». И все же, по мнению В.М. Чернова, «это обстоятельство … не осталось без самого серьезного влияния на весь ход политического развития России»[138].

Переход от буржуазного строя к социализму, по мнению лидера эсеров В.М. Чернова, мог произойти двумя путями. Первый, которому отдавалось предпочтение – представлял собой трансформацию капиталистического строя. Он заключался в том, чтобы «подрывать силу капитала и увеличить силу труда в рамках досоциалистического строя». Именно для этого необходимо социализировать землю, укрепить право рабочих организаций в городах. Эти минимальные требования являлись базой, на которой основывался социалистический строй. Большая роль при этом отводилась синдикатам кооперативов, крестьянским артелям и другим объединениям трудящихся, создающимся в качестве противовеса частнокапиталистическим хозяйствам. Борьба труда и капитала представлялась теоретику эсеров длительным процессом. «Приходится искать переходных ступеней,– отмечал Чернов.– Приходится рассматривать революцию не как противоположность эволюции, а лишь как ее момент или даже как совокупность моментов, одни из которых могут носить

[138] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 319.

боевую, другие мирную внешность»[139]. При этом трудовые предприятия и их представители должны играть все большую роль в экономической и политической жизни страны и, в конце концов - вытеснить представителей эксплуататорских классов из органов государственного управления.

Таким образом, В.М. Чернов был сторонником реформистского пути общественного развития. Он не раз выступал против активных революционных действий в те моменты, когда они могли привести к неоправданным жертвам, или когда открывалась реальная, на его взгляд, перспектива мирного варианта развития событий. В 20-е годы, обобщая опыт революционной борьбы в России, Чернов писал: «Созидание должно не следовать за разрушением, тем самым неизбежно перманентно отставая от него, но везде, где это возможно, даже предшествовать ему»[140].

И далее, В.М. Чернов указывал на то, что «политическая свобода и конституционное народовластие было распространением на всю страну начал скромного местного самоуправления, сложившегося в недрах автократического режима…»; социализация земли в России, по его мнению, была лишь распространением на всю страну, на весь аграрный строй принципов, в неразвитом виде лежавших в основе скромной поземельной общины; рабочие синдикаты, кооперативы, рабочие «гильдии», новое трудовое право, трудовая мораль, трудовая культура и трудовая идеология – все это ростки новой жизни, живые эмбрионы государства будущего». Именно в их лице, по мнению Чернова, подготовляется и зреет социализм. «Революция – великая, решающая революция, а не преждевременный выкидыш – может быть лишь плодом созревания этого эмбриона, не довольствующегося больше зародышевым прозябанием на частноправовых началах в лоне старого строя, почувствовавшего, что ему тесен мирок классовых учреждений. «Мирок» должен завладеть миром и стать новым миром. Бьет час распространить на все общество выработанные в его недрах новые формы бытия. Буржуазные формы жизни в самых основаниях своих могут быть отныне потрясены, снесены, отменены, разрушены. Человечество не очутится ни на биваках, ни под открытым небом. Оно не совершит авантюристического «прыжка в неизвестное». Оно пойдет вперед, а не назад. Таков нормальный порядок здорового развития. Перевернуть его вверх ногами – значит «дух разрушения» сделать злым гением всеобщей разрухи. С социализмом большего несчастья случиться не может. И это

[139] Чернов В.М. Конечный идеал и повседневная борьба. СПб., 1906. С. 19.

[140] Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 212.

черты всех национальностей. «Человека мы стремимся освободить от всех узких, исторически сложных ограничений; все человеческое сделать доступным всем людям, стереть все перегородки, мешающие взаимному пониманию и взаимному влиянию людей друг на друга», - отмечали эсеры в 1903 г. Добиться этого можно было, по их мнению, только при помощи родного языка, который они называли «могучим орудием культурного развития». Эсеры подчеркивали, что «только приспосабливаясь к уровню развития национальности, опираясь на ее лучшие стороны и черты, концентрируя свою борьбу против худших черт» можно добиться национального возрождения. Именно национальное возрождение и национальный подъем они считали крайне благоприятным явлением. «Национальное для нас, - подчеркивали эсеры, - есть форма усвоения и воплощения всемирного, всечеловеческого прогресса»[164].

Таким образом, истоки национальных противоречий в стране неонародники видели как в особенностях образования России, так и в шовинистической, великодержавной политике самодержавия. Исходя из этого, они считали необходимым предоставить право народам, вошедшим в состав Российской империи, образовать свои национально-территориальные автономии, гарантировать права на культурное и политическое развитие экстерриториальных наций, а также осуществить реформу политической системы России. Основные задачи ее состояли в развитии местного самоуправления, избирательного права, свержения самодержавия и установления федеративной республики. Последовательное применение принципа федерализма в государственном строительстве наиболее полно позволило бы удовлетворить национальные требования народов, объединенных в федеративном государстве, и в то же время сохранить единство страны.

5. Аграрная программа неонародников.

В социально-экономической концепции неонародников существенное место отводилось аграрному вопросу. Так, социалисты-революционеры неоднократно заявляли о «первостепенном значении» аграрного вопроса в общественной жизни, «так как сельское хозяйство с его разнообразными отраслями составляет господствующее занятие большинства людей»[165]. Энесы же утверждали, что крестьянский (т.е. аграрный – Г.С.) вопрос – это большая и сложная историческая

[164] Национальное порабощение и революционный социализм //Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 108.

[165] За книжкой. Н. Новгород. 1906. № 4. С. 3.

задача». Так, А. Пешехонов подчеркивал, что суть этого вопроса состоит в том, «чтобы реальные интересы многомиллионной массы, вынесшей на своих плечах всю тяжесть тысячелетней истории, сделать центром и целью всей дальнейшей государственной жизни»[166].

По мнению М.И. Леонова,[167] аграрная программа эсеров была результатом интеллектуального поиска нескольких поколений. Она включала в себя превращение земли в общенародное достояние при ликвидации частной собственности на землю, т.е. революционную конфискацию латифундиального. В первую очередь помещичьего, землевладения, передачу земли демократически организованным органам самоуправления (демократически организованным общинам и союзам общин), уравнительно-трудовое пользование ею всеми желающими на основе приложения собственного труда, недра земли намечалось оставить в ведении государства.

Программа социализации земли была впервые выставлена в написанном К.Р. Кочаровским, с последующей редакционной правкой В.М. Черновым, обращении Крестьянского союза партии эсеров в июне 1902 г. Затем она подвергалась доработке в проектах программы 1903 и 1904 гг. В годы революции 1905-1907 гг. она воплотилась в программе, принятой I съездом ПСР.

Социализация земли являлась главной составной частью эсеровского социализма, разработанного В.М. Черновым. Его учение стало синтезом народнической концепции рубежа веков, идеалом российского крестьянства и достижением западноевропейской социалистической мысли. Социализация, по его мнению, была универсальным средством, которое должно было помешать развитию в деревне частно-собственнических тенденций и гарантировать защиту интересов трудящихся, так как землей должны были распоряжаться не центральная власть, а местные органы самоуправления – общины и территориальные союзы общин.

Сам термин «социализация» означал «изъятие чего-либо из-под власти частной собственности и передачу в общественные руки». «Социализация земли есть такая форма поземельных отношений, которая предполагает уничтожение частной собственности на землю», - отмечал В.М. Чернов[168]. По

[166] Пешехонов А. Крестьянский вопрос // Русское богатство. 1901. № 2. С. 171-181.

[167] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 111.

[168] Чернов В.М. Земля и право. Вып. 1. Петроград, 1917. С. 124.

его мнению, социализация земли «есть лишь передача в общественные руки и в общественное распоряжение одного из необходимых условий производства и, тем самым, отмена одной из самых вредных и тягостных частных монополий. При этом, по мнению лидера партии эсеров, «социализация земли» не была тождественна социализму, поскольку она решала вопрос о форме собственности, а не о форме производства: «Социализация земли сама по себе еще никак не решает вопрос о форме производства, а решает лишь вопрос о форме собственности на один определенный род благ – именно на поверхность и недра земли», - писал В.М. Чернов. И далее он отмечал, что «одно дело – решить, кто их собственник, в чьи руки должно перейти верховное распоряжение землей; другое дело – решить, какой способ производительного пользования будет на этой земле установлен»[169].

Существенным признаком социализации земли являлось установление общенародных или, общегражданских прав на землю. Так, В.М. Чернов утверждал, что «каждый член народа, населения, каждый гражданин является … не пассивным объектом воздействия поземельной политики государства, а управомоченным, т.е. лицом, право которого соответственно закреплено гражданским строем страны, ее конституцией»[170].

Важнейшим принципом «социализации земли» была децентрализация права на землю, при котором сам народ обладает правом трудового пользования землей. Понятие «общественное владение» в проекте программы от 1904г. на первом съезде партии эсеров, проходившем в 1905 г. было заменено на положение, согласно которому «земля обращается в общенародное достояние» и переходит в «общественное распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин». «Социализация земли есть первейший шаг по пути к трудовому государству», - подчеркивал В.М. Чернов[171].

Другим краеугольным камнем «социализации земли» было уравнительное землепользование. И если в проекте программы 1904 г. ничего еще не говорилось о нормах владения землей, то первый съезд партии эсеров принял положение о минимальной «потребительской» норме, предусматривавшей предоставление в пользование одной семьи такого количества земли, которым она сможет покрыть свои «наиболее настоятельные потребности» и «трудовой» (максимальной) как способной быть обработанной собственным трудом крестьянской семьи.

[169] Чернов В.М. Трудовое крестьянство. М., 1906. С. 61.

[170] Чернов В.М. Земля и право. С. 159.

[171] Там же. С. 197.

По мнению эсеров, социализация земли, приводящая к обобществлению земли и ставящая в равные условия по отношению к ней все трудовое население, создавала необходимые предпосылки для завершающей фазы процесса социализации земледелия – обобществления земледельческого производства. «Социализация земли не разрешает и не может разрешить всего аграрного вопроса, она дает лишь более здоровую правовую базу для его разрешения, чем частная собственность на землю, или чем буржуазно-бюрократическая национализация»[172] - писал В.М. Чернов. И далее он подчеркивал, что за разрешением проблемы социализации земли возникает новая проблема: проблема социализации земледелия. Эта последняя, по словам Чернова, мыслилась как «длительный органический процесс, движущими элементами которого должны стать по преимуществу сельская интегральная кооперация и сельский «муниципализм». Во всех проектах и программе партии большая роль отводилась «государственной политике, благоприятствующей развитию кооперации на строго демократических трудовых началах», развитию всякого рода общественных служб, а именно: бесплатной врачебной помощи, земско-агрономических организаций, коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщений и т.д.; за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения[173].

Итак, с проведением социализации земли эсеры связывали не только дополнительное наделение ею крестьян, но и начало социалистического переустройства общества. Социализация земли в сочетании с развитием кооперации должна была уже в рамках буржуазного государства послужить началом социалистических преобразований путем «врастания» крестьянства в социализм. По утверждению В.М. Чернова, именно социализация земли подвела прочную базу под кооперацию сельского хозяйства и нашла в ней свое естественное дополнение, открыла деревне путь к социализму и социализму – путь к деревне[174].

Таким образом, неонародники полагали, что подготавливать новый строй, способствовать обобществлению сельского хозяйства должна кооперация. Поэтому она являлась объектом их пристального внимания. «Кто хочет вести

[172] Чернов В.М. Земля и право. С. 159.

[173] Проект программы партии социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. С. 125;Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 451.

[174] Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 133.

социалистическую работу в деревне, кто хочет привлечь деревню к социализму, тот должен суметь с головой войти в реальное хозяйственное строительство передовых слоев деревни – в их кооперативное строительство»,– отмечал В.М. Чернов. Он также считал, что для того, чтобы «принять участие в деревенском кооперативном движении, и работать в нем не ощупью, не эмпирически, а, руководясь путеводной звездою социализма», необходимо выработать социалистическую теорию кооперации и сельскохозяйственной кооперации вообще. По мнению В.М. Чернова, социалистическая теория кооперации предполагала, что перерождение последней в высшие и высшие формы и есть тот «особый путь» врастания в государство будущего, который дан земледелию сравнительно с «путем» индустрии в социалистический элизиум через капиталистическое чистилище»[175].

Таким образом, для эсеров будущее земледелия рисовалось в виде кооперативной эволюции. По их мнению, в земледелии кооперация играет ту же роль, какую в индустрии синдикат. В сельскохозяйственной кооперации и в земельной общине видели они ту деревенскую «трудовую общественность», которая в городских рабочих кварталах развивалась вокруг пролетарских профессиональных союзов или «гильдий». Сельская община представлялась им своеобразным видом кооперации «по совместному использованию средств производства», каким в сельском хозяйстве, по их мнению, является сама земля, почва.

Анализируя сущность поземельной общины, как своеобразной формы трудовой кооперации, «социалисты-революционеры открывали в ней прогрессивный ряд форм уравновешения, примирения, синтеза двух существенно различных прав: права на труд (права обеспечиваемого общиной путем отвода каждому своему сочлену на рваных основаниях с прочими участка земли) и права труда (права труда, раз вложенного в землю и неотделимого от нее, слившегося с землею в виде улучшения почвы, на соответственный этой затрате эквивалент).

Социалисты-революционеры сделали попытку очистить от всяких чуждых наслоений и от локальной ограниченности два этих основных трудовых принципа «мужицкой земельной кооперации», и распространить их на всю земельную территорию страны. Таким образом, «вся земледельческая Россия, как бы превращалась в одну огромную «поземельную общину», а отдельные местные соседские земельные союзы превращались в ее разветвления, органы. Эсеры считали, что земля не становилась после этого для крестьянина» чужой», не

[175] Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 120.

превращалась в «собственность» государства» земля не «отбиралась» у него и не делалась «казенной», а сам он - не превращался от этого в «пролетария», пользующегося землею с милостивого «разрешения» государства. Он оставался, таким образом, обладателем своего индивидуального «права на землю», двойного по характеру – равного права с каждым другим землевладельцем на отвод участка земли, и равного права с каждым другим землевладельцем на извлечение из земли трудового эквивалента. Чернов подчеркивал, что «крестьянин стоял твердою ногой на позиции, недоступной ни для чьего вмешательства». Подводя итог сказанному, В.М. Чернов подчеркивал, что это право было уже не «монопольное» право, источник эксплуатации чужого труда, а трудовое и равное с другими право пользования.

Эсеры также отмечали, что должно быть установлено право на пользование землею, и предоставлены землевладельцу гарантии, «что плоды его личных усилий, заботливости и интеллигентности до тех пор будут обеспечены за ним, или за его землей, пока он в состоянии будет отдавать свои силы земле». По убеждению эсеров, никому не может быть предоставлено юридическое право на пользование землей без обязательства лично ее обрабатывать. Чернов подчеркивал, что почва должна служить средством эксплуатации природы, но никак не эксплуатации человека человеком. Создание же параллельно с этим производительно-потребительных товариществ, по его мнению, будет содействовать планомерному развитию производства в самых различных направлениях[176].

Неонародники считали необходимым развивать кооперацию всех типов (потребительскую, кредитную и производительную), основанную на трудовом начале. Кооперативы рассматривались ими не как органы самоуправления, а как частно-хозяйственные объединения, призванные сыграть большую роль в воспитании коллективистских тенденций в крестьянском сознании, показать преимущества коллективных форм организации хозяйства, обеспечить работнику полный продукт его труда[177].

Неонародники также утверждали, что подготовке социализма способствовало и развитие кооперации в промышленности, в городе. По мнению эсеров, «в свободном государстве кооперативное движение, руководимое и вдохновляемое социалистической партией, действительно

[176] Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 120-121.

[177] Пешехонов А.В. На очередные темы. Община, кооперация, земство // Русское богатство. 1914. № 5. С. 322.

способно служить интересам освободительной борьбы рабочего класса, вносящего в это движение свежую идейную струю»[178].

Эсеры признавали, что кооперативные организации среди городского населения, помимо непосредственного улучшения положения трудящихся масс, будут «служить для развития в них опыта и умения «вести на началах демократического управления», сложное дело крупного хозяйства, и «для создания трудовых ячеек, осуществляющих начала свободного, идущего снизу, объединения рабочих сил и материальных ресурсов трудового народа и способных органически врасти в государство будущего». Они также высказывались за образование потребительской кооперации на началах трудовых и демократических, т.к. кооперация этого рода»[179].

Говоря о необходимости развития сельскохозяйственной кооперации в России, неонародники указывали на зависимость ее от условий политических, экономических и культурных. Так, по мнению энесов, сельскохозяйственное производство в целом, должно было оставаться индивидуальным, а задача кооперации, сводиться к его организации, контролю над качеством и количеством продукции. В основу системы коллективного землепользования были положены такие формы, как артели и земледельческие союзы. Однако, придавая большое значение развитию сельскохозяйственной кооперации, А.В. Пешехонов, тем не менее, считал, что «сменить и заменить общину может только такой же публично-правовой институт, каким являлась и она сама», то есть наряду с частно-хозяйственными объединениями, кооперативами должны быть публично-правовые союзы. Кооперативная форма, полагал он, недостаточна для решения аграрного вопроса.

Особое внимание он обращал на создание местных органов народного самоуправления в виде территориальных союзов, способных прийти на смену общине. Он предполагал, что нужно не заменять кооперативами действительное самоуправление, а вести борьбу за него[180].

Они также считали, что кооперация должна быть и общественной организацией. Позднее, в эмиграции, А.В. Пешехонов писал, что попытки после Октябрьской революции перестроить кооперацию, сделать ее «правительственной», навязать ей планы и программы разрушили «кооперацию во всех ее видах и на всех ступенях»[181].

---

[178] Чернов В.М. Трудовое крестьянство. М., 1906. С. 54.

[179] Там же. С. 54.

[180] Пешехонов А.В. Община, кооперация, земство. С. 315-329.

[181] Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С. 24, 37-38.

Таким образом, лидеры неонароднических партий считали, что кооперативные организации среди городского населения, помимо непосредственного улучшения положения трудящихся масс, служат для развития в них опыта и умения «вести на началах демократического самоуправления» сложное дело крупного хозяйства, и «для создания трудовых ячеек, осуществляющих начала свободного, идущего снизу, объединения рабочих сил и материальных ресурсов трудового народа и способных органически врасти в государство будущего». Неонародники выступали за образование потребительской кооперации на началах трудовых и демократических, т.к. кооперация этого рода «способствует сплочению пролетариата и способна организовать фонд для материальной поддержки его боевых организаций и выступлений»[182].

Если у социалистов-революционеров краеугольным камнем аграрной программы была социализация земли, то у народных социалистов – ее национализация. Так же как и эсеры, энесы хотели уничтожить помещичье землевладение и частную собственность на землю, наделить землей по трудовой норме тех, кто будет обрабатывать ее своим личным трудом. Однако энесы полагали, что если земля может находиться лишь в пользовании отдельных лиц, то собственность на нее должна быть общенародной (в форме государственной). В связи с этим они выдвигали требование национализации земли, осуществление которого связывали с созданием не буржуазного строя «трудового хозяйства». Суть национализации народные социалисты видели в изменении социального положения крестьянина, в создании для него таких условий, которые позволили бы ему стать самостоятельным производителем. Крестьянскую же частную собственность на землю они отождествляли с капитализмом. По их мнению, от общинного землевладения как формы коллективной собственности путь к национализации земли возможен, а от мелкой крестьянской собственности, если она повсеместно распространяется, нет[183].

Решающую роль в национализации земли энесы отводили государству, реорганизованному на демократических началах.

---

[182] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 272. Д. 80.

[183] ГАРФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-2; Программа Трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. 1906. № 1. С. 11-12; Пешехонов А.В. Сущность аграрной проблемы. СПб., 1906. С. 3-5, 15, 22,26; Пешехонов А.В. Национализация земли, или как трудовая (народно-социалистическая) партия считает необходимым разрешить земельный вопрос. СПб., 1907. С. 7.

«Вся земля, – писал Пешехонов, – «должна перейти в распоряжение государства». По мнению идеолога партии это означало, «что право на получение дифференциальной ренты переходило к государству и способствовало реализации принципа уравнительного распределения земли». Кроме того, по мнению энесов, участие государства в процессе национализации способствовало бы мирному решению острой проблемы надельной земли.

Национализация земли народными социалистами рассматривалась как ступенька к социализму, как антикрепостническая и антибуржуазная мера. Однако подобно социалистам-революционерам, народные социалисты были уверены в том, что социализм в России должен быть аграрным. В нем неонародники видели возможность спасения от ненавистного капитализма. Переход к социализму в политическом плане представлялся им возможным с помощью «организации масс».

Поэтому важное место в организационной работе обе партии предоставляли субъективному фактору – сознанию, которое могло объединить личные интересы с классовыми, а затем с общенародными. Сознательность они противопоставляли стихийности революционного подъема. Так возникла в их среде утопическая мысль о возможности мирного пути решения назревших политических вопросов и иллюзия о «постепенном врастании» в социализм, о завоевании социализма по частям, «путем положительной работы» в рамках существующего строя.

Как видим, в основе неонароднической социологической концепции лежал тезис о желательности некапиталистической эволюции сельского хозяйства. Поэтому обе партии отнеслись неоднозначно к проводимой царским правительством аграрной реформе П.А. Столыпина. Эта реформа коренным образом преобразовывала всю систему землевладения и землепользования, разрушая при этом общинную форму собственности и утверждая мелкую частную собственность на землю.

Нужно заметить, что неонародники очень много внимания в своих работах уделяли крестьянской общине. «Русская община, несмотря на все тяжкие удары, получаемые ею вот уже 40 лет от бюрократически-буржуазных и купонных распорядков, все-таки жива и продолжает если не развиваться, то ревниво оберегает свои основные бастионы и редуты от нагло надвигающегося со всех сторон индивидуализма»[184].

«Для русских социалистов-революционеров община дорога, поскольку в ней живет, растет и усложняется общая

[184] Чернов В.М. Трудовое крестьянство. С 82.

уравнительная тенденция, для которой на известной ступени развития сами формы общины становятся узкими и тесными». «Русская поземельная община – это центральный пункт в современном крестьянском землевладении и землепользовании», – отмечал В.М. Чернов[185]. Он считал, что реформа может непосредственно и грубо разрушить общину, может перепрыгнуть через нее, обойти со стороны и тем самым косвенно подорвать ее, перенеся центр тяжести крестьянского землепользования и крестьянских интересов в другую плоскость, может и наоборот – взять общину за центральную ось реформы и тем укрепить ее или даже поднять на высшую ступень».

По мнению эсеровских теоретиков, община под должным контролем высших демократических органов будет ближайшим образом заведовать той частью земли как общенародным достоянием, которая будет находиться в пределах отведенной ей территории. Она будет первичным носителем публично-правовой функции – такого распоряжения землей, при котором труду обеспечивался бы к ней свободный доступ, на основаниях, одинаковых для всех граждан. И это – единственный путь для жизни, для развития поземельной общины. Скрытая в ней общественно-правовая функция должна быть высвобождена из-под спуда; частноправовые узы обособленной, хотя и коллективной собственности, должны отпасть, как и узы сословной ограниченности; начала общинной «трудовой конституции» должны разрастись в стройную систему, регулирующую на уравнительно-трудовых началах землепользования общин, округов, районов и областей так же, как ныне община уравнивает землепользование отдельных крестьянских дворов» По убеждению В.М. Чернова, «единственным путем развития общины» является социализация земли. Только она может примирить общину с государством путем перестройки государства и врастания в него общины на началах широкой децентрализации и демократического самоуправления. А, так как эсеры проповедуют социализацию земли, они неизбежно выступают критиками общины, «обличителями ее недостаточности, ее бессилия в разрешении целого ряда вопросов». «Мы критикуем общину во имя высшего поземельного строя, основы которого сформулированы в нашей программе», - подчеркивали эсеры.[186]

Для эсеров «жизненный пульс» общины в том, «что выводит крестьянина за пределы общины и приводит к социализации земли». Для наиболее горячих сторонников общины «не будет парадоксом» вызвать в крестьянах известную

[185] Чернов В.М. Земля и право. С. 159.

[186] Там же. С. 197.

степень недовольства общиной … но такое недовольство, которое приведет к отрицанию того, что остается у нее общего с частной собственностью, что замыкает ее в узком кругу «своей околицы». Уравнительное начало, ограниченное в общине узким кругом соседского коллектива, мы хотим освободить и распространить на всю страну, соответственно усложнив формы его проявления и осуществления», - писали эсеры. В ряде публикаций они заверяли читателей, что «чисто консервативная позиция охраны общины» - не их позиция, и что не в их интересах «чрезмерное довольство ею». Безусловно, для эсеров «община важна: но в самой общине для них «всего важнее живущая в ней уравнительная тенденция»[187].

Энесы также заявляли, что «община в том виде, в каком она существовала и существует … бессильна сама по себе удержать население от обезземеления. Однако, несомненно и то, что «при данных экономических условиях она оказалась очень серьезной помехой на пути к образованию сельскохозяйственного пролетариата». По этому, по убеждению А.В. Пешехонова, самой важной и неотложно народно-хозяйственной потребностью в сфере аграрных отношений, является освобождение крестьянина от работы на помещика, освобождение его от обязанности подневольного батрака и вынужденного арендатора»[188].

По мнению энесов, когда-то община имела характер территориального союза, правоспособного выполнять государственные функции. Теперь же, заявляли народные социалисты, «она представляет нечто промежуточное между общественно-принудительными союзом и частноправовым, - и в этом, по их мнению, заключается одна из главнейших причин ее «довольно фальшивого положения» в современной жизни. «С одной стороны члены общины объединены между собой по территориальному признаку, и она располагает в известном смысле принудительной властью. С другой стороны, она охватывает уже не все население, находящееся на данной территории и, заслоненная сельским обществом, устранила уже значительную часть своих политических функций», - писал А.В. Пешехонов. Он глубоко убежден в том, что такой же двойственный характер имеют и отношения общины к земле: с одной стороны члены ее являются как бы только товарищами в общем имуществе, с другой – община в целом, как будто имеет такое право на землю, каких не имеют эти товарищи в отдельности.

[187] Чернов В.М. Земля и право. С. 30.

[188] Пешехонов А.В. Аграрная проблема в связи с крестьянским движением. СПб., 1906. С. 71-81.

Энесы заявляли, что «в таком неопределенном положении русская земельная община оставаться не может и должна будет эволюционизировать в ту или другую сторону». Они считали, что она должна или сделаться частноправовым, добровольным союзом, превратиться в товарищество, или же возродиться в качестве территориального союза, войти в состав государства в качестве его органической части[189].

«Двусмысленное, совершенно ненормальное положение общины в современном строе, - замечали неонародники, - заключается в том, что «в силу исторических условий она сохранила до сих пор принадлежавший ей издревне характер территориально-государственного союза; с другой стороны, объединяя не всех жителей данной территории, а только землевладельцев, она является частнохозяйственным союзом, в качестве какового она только и может правильно функционировать». По их мнению, благодаря этому, «в общинной жизни создался ряд всевозможных противоречий, которые невозможно разрешить при нынешнем ее строе». Сущность этих противоречий неонародники сводили к одному: «в качестве хозяйственного союза община может и должна быть союзом исключительно добровольным; в качестве государственного она продолжает иметь принудительный характер».

Пешехонов не без оснований подчеркивал изъяны крестьянской общины: ее консерватизм, тормозящий развитие производительных сил, преобладание хозяйственных функций над политическими и др. Вместе с тем он отмечал, что отношение крестьянства к земле как к общенародной собственности и коллективистские навыки общинных взаимоотношений можно использовать в будущей аграрной реформе. В какой форме в будущем лучше всего осуществить равное право всех на землю: «уравнительное землепользование» социалистов-революционеров Пешехонова не устраивало. Он считал, что такой взгляд способен породить недоразумения. Только коллективное право, по его мнению, могло быть равным и «только такое право будет для всех реальным, а не потенциальным, каким неизбежно для многих должно остаться личное право». Таким образом, Пешехонов понимал, что экономический переворот предполагает изменение политической надстройки, что размах аграрных и политических преобразований не может не соответствовать друг другу. Он был уверен в том, что нужны другое государство и другая, по сравнению с поземельной общиной, организация крестьянского хозяйства.

[189] Пешехонов А. Аграрная проблема в связи с крестьянским движением. С. 125.

Пешехонов пытался также определить и основы назревшей экономической и политической реорганизации государственного строя России. Он считал, что освободить личность можно только при сохранении земли в коллективной собственности. Более того, по его мнению, «для освобождения личности при данных условиях есть только одно средство – это собрать всю землю в распоряжение более широкой, чем община или двор, коллективности»[190].

Как видим, неонародники старались доказать объективную необходимость проведения реформы сельского хозяйства, но не такой, какую хотел осуществить П.А. Столыпин. Народные социалисты выступали за национализацию земли, суть которой они видели в изменении социального положения крестьянства, в создании для него таких условий, которые позволили бы ему стать самостоятельным производителем. Главную роль в решении этих проблем они отводили государству, реорганизованному на демократических началах. «Социализация земли», предполагавшая передачу земли в общественные руки и в общественное распоряжение, представляла собой достижение эсеров в области революционно-демократических аграрных преобразований, осуществление которых открыло бы путь к развитию фермерского крестьянского хозяйства. Сравнивая ее с национализацией или огосударствлением, В.М. Чернов выделил следующие особенности:

«1. Огосударствление земли подходит к распоряжению земельными богатствами страны сверху; социализация – снизу.

2. Огосударствление земли, сохраняя абсолютизм собственнического права, переносит ее целиком в руки олицетворяющей всю страну центральной власти; социализация земли не переносит его никуда, ибо упраздняет абсолютизм, понятия собственности.

3. Огосударствление земли в порядке административного усмотрения раздает землю в аренду отдельным лицам на условиях, соответствующих меняющимся видам и планам центральной власти; социализация предполагает основную конституционную «хартию прав» отдельного пользователя под углом зрения равенства общегражданских трудовых прав на землю.

4. Огосударствление земли предполагает распоряжение земельными богатствами страны через посредство бюрократических органов; социализация земли осуществляет начала хозяйственной демократии по преимуществу через

[190] Пешехонов А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1906. № 12. С. 163.

органы независимой трудовой общественности, через их сотрудничество с государством.

5. Огосударствление земли отдает частные интересы всецело в ведение публичных органов; социализация земли предполагает синтез частного и публичного права, синтез начал экономического корпоративизма и политической демократии»[191].

В дальнейшем крестьянство России поддержало именно эсеровскую социализацию земли. О ее популярности говорит и тот факт, что большевики, после захвата власти в стране, отказались от своей собственной аграрной программы и приняли на вооружение эсеровскую, с их социализацией земли.

По этому поводу В.М. Чернов отмечал: «Стихийное аграрное движение малоземельных крестьян, охватив всю толщу русского крестьянства, пошло всецело под аграрными лозунгами партии социалистов-революционеров, и на первых же действительно свободных всенародных выборах в Учредительное Собрание дало ей абсолютное большинство. Это был случай беспримерный в истории. Социалистическая партия, всенародно заявляющая о своем намерении радикально уничтожить право частной собственности на землю, при первом же применении в стране всеобщего избирательного права, крестьянскими голосами приходит к положению правящей партии! И, чтобы не уступить ей места, фактически захватившая в свои руки власть, конкурирующая с нею партия – большевистская – вынуждена спешно выбросить за борт свою собственную аграрную программу и громогласно объявить, что берется проводить в жизнь аграрную программу партии социалистов-революционеров!»[192].

Итак, подведем итоги. На рубеже XIX - XX вв. Россия переживала серьезный социально-экономический и политический кризис. Объективная потребность в безотлагательном решении многих экономических и политических вопросов вызвала кризис самодержавной власти и побудила к активной деятельности все социальные группы и классы российского общества. 90-е годы XIX в. были временем острых дискуссий о перспективах исторического развития страны. Они сыграли важную роль в формировании идейно-политических течений и разработке их программных установок.

Социально-политическая доктрина неонародничества представляла будущее России как сочетание хозяйственной и политической демократии. В политическом отношении – это народная демократическая республика с парламентом, развитым самоуправлением и политической кооперацией всех граждан; в

[191] Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 289.

[192] Там же. С. 121-122.

экономике – коллективистский способ производства и общественная собственность. Причем демократизация политических институтов считалась неонародниками основой социальной революции. Контроль за деятельностью органов исполнительной власти, функционирующей на основе полной выборности и сменяемости, предполагалось осуществлять всем населением республики. Всем гражданам должны быть предоставлены политические и гражданские права, а государство должно строиться на федеративно-автономных и самоуправляющих принципах. В национальном вопросе неонародники выступали за право наций на самоопределение, первыми среди отечественных социалистов сформулировав этот принцип как программный. Но право наций на самоопределение они понимали только в рамках культурно-национальной автономии, высказываясь за политическую независимость лишь Польши, Финляндии и Кавказа.

В программных документах неонародники говорили о все более тесной связи России с передовыми странами «цивилизованного мира», при сохранении ряда особенностей, одна из которых заключалась в «трудовом характере» крестьянского хозяйства. Капитализм представлял результат социально-экономического развития города, промышленности, где он осуществлял созидательную функцию обобществления производства и формирования социальных сил общества будущего. Подобно народникам, неонародники считали, что основные элементы социалистического строя подготавливаются в недрах существующего с помощью общины, внедрения самоуправленческих начал общественной жизни как прототип прямого народовластия. Но в отличие от своих предшественников неонародники признавали развитие капиталистических отношений в пореформленный период, выделение в нем «творческих, исторически прогрессивных и хищнически разрушительных тенденций».

При характеристике явлений, происходящих в сельском хозяйстве, были синтезированы «общинные» идеи классического народничества о самобытности развития России и реформаторские концепции Э. Бернштейна и др. об ограниченной способности капитализма к обобществлению. Эсеровская программа социализации земли представляет собой оригинальную концепцию решения аграрного вопроса в России. Она была привлекательна для широких масс и понятна им. Это была реальная альтернатива исторического развития, одна из самых благоприятных и безболезненных для России.

Переход от капитализма к социализму, по мнению неонародников мог произойти как мирным (трансформационным), так и революционным (насильственным) путем. Однако в большей степени неонародники являлись

сторонниками идеи эволюционизма и считали, что к социализму Россия могла прийти в результате последовательных реформ, проводимых в области экономики, права и морали. Между существующим и социалистическим обществом они предполагали довольно продолжительный период эволюционного реформирования: капиталистическое обобществление «сверху» в промышленности, в городе, и «некапиталистическая эволюция», обобществление «снизу» посредством общины, кооперации в сельском хозяйстве в деревне, постепенное приобщение крестьянского хозяйства к условиям крупного, общенационального производства. Таким образом, неонародники считали, что к социализму Россия могла прийти в результате последовательных реформ, проводимых в области экономики, права и морали.

Однако неонародники не исключали и революционный путь перехода к новому общественному строю. Исключительная же политическая напряженность в России не оставляла сомнений в неизбежности революции. В идее социальной революции смыкались российский крестьянский и пролетарский социализм начала XX века.

ГЛАВА II. ЗАРОЖДЕНИЕ НЕОНАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГУБЕРНИЯХ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ

1. Становление неонароднических организаций ЦЧР.

В конце 1901 - начале 1902 г. в России образовалась одна из крупнейших партий неонароднического направления – ПСР (партия социалистов-революционеров). Ее появление стало результатом слияния российских и эмигрантских народнических организаций, сформировавшихся еще в 90-е годы прошлого века. В этот же период в губерниях Центрального Черноземья также сложился ряд объективных условий, подготовивших почву для возникновения эсеровских организаций. Наиболее важным из них явилось наличие постоянного канала, по которому в губернии исследуемого региона поступали народнические идеи. Их носителями были студенты, обучавшиеся в вузах Москвы и Санкт-Петербурга. Приезжая на родину, они пропагандировали их среди местного населения, организовывали народнические кружки, в которых становились лидерами.

Так, деятельность революционных кружков в Воронеже связана с именами бывшего студента Киевского университета С.А. Петровского и известного народника А.Н. Лебедева. В 1889 г. Петровский организовал небольшой кружок революционеров, которых готовили для работы в народническом кружке Фомина, действовавшего в Киеве[193]. А.Н. Лебедев еще с 1878 г. принимал участие в ученических кружках, затем в организации «Народной Воли» в Воронеже под кличкой «Лазарь». Он занимался распространением народнической литературы среди учащихся реального училища и Михайловского корпуса, проводил пропаганду народнических идей среди рабочих Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги. В него входили также студент Санкт-Петербургского университета Михаил Александров, студент Московского университета Семен Руднев, бывший студент этого же университета Николай Иваншин[194].

В Курской губернии возникновение народнических кружков связано с именем Н. Беспаловой, высланной в 1881 г. из Петербурга в Курск под надзор полиции. Будучи слушательницей врачебных курсов Беспалова привлекалась к дознанию по делу народника Тригони. В Курске вместе со своими единомышленниками И. Фроловым, С.А. Арцыбушевым, а также ссыльным студентом Петербургской военно-медицинской академии Н. Гилогенко они организовали

[193] Татарчуков А.Н. Материалы по истории революционно-социалистического движения в Воронежской губернии: 70-90-е годы. Воронеж, 1922. Вып. 1. С. 30

[194] ЦДНИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 116. Л. 22, 52.

кружок учащейся молодежи, в котором пропагандировали идеи народников. Именно через Н. Гилогенко этот кружок поддерживал тесную связь «с революционным подпольем» в Петербурге и других городах страны. Об этом свидетельствует обширная переписка руководителей кружка, обнаруженная КГЖУ во время обыска на квартире С.П. Арцыбушева. «Тирания дошла до своего крайнего предела и должна быть уничтожена! Таков девиз всякого честного человека, сердцу которого близка свобода и счастье нашего народа», – говорилось в одной из листовок Центрального кружка Санкт-Петербургского университета. Уже в октябре 1881 г. революционеры призывали студенчество «сплотиться в группы», потому что только «как организованная сила, с определенной программой», студенчество, по их мнению «может претендовать на серьезное общественное значение»[195].

Второй причиной, обусловившей развитие революционного народнического движения в губерниях Центрального Черноземья, явилось наличие людей, способных воспринимать народническую пропаганду. Их социальный состав был достаточно широк: рабочие, мещане, дворяне. Но преобладающее место занимала разночинная интеллигенция. Таким образом, народническая пропаганда проникала в различные слои общества. Доказательством этого является большое для провинции количество народнических кружков в Воронеже. Помимо двух названных кружков полицией в 1879 г. был разгромлен народнический кружок в городской гимназии, возглавляемый гимназистом С.Ф. Рудневым. В кружке была обнаружена библиотека разнообразной нелегальной литературы, получаемой от столичных народнических организаций. В середине 1880-х гг. среди рабочих железнодорожных мастерских Воронежа возник народнический кружок, в котором работали народники: П.П. Мануйлов, В.П. Иваншин, а с начала 90-х гг. – В.Я. Яковлев (Богучарский)[196].

Необходимо подчеркнуть, что наиболее восприимчивой к народнической пропаганде была учащаяся молодежь и рабочие Воронежа, о чем свидетельствует направленность работы городских кружков. Учащаяся молодежь Воронежа оказалась способной не только воспринимать народнические идеи, но и

[195] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 790. Л. 15, 65, 69, 91.

[196] Дмитриев Г.М., Карпачев М.Д. Революционное движение в Воронежском крае в земледельческий период (вторая половина 1870-х гг.) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 46; Воронков И.Г. Первые социал-демократические организации в Воронежской губернии. Воронеж, 1954. С. 33-34.

выдвигать собственных руководителей. Такими руководителями были С.Ф. Руднев, П. Хворостянский. Несовершеннолетнего С.Ф. Руднева - главу кружка в городской гимназии - полиция, посчитав опасным, выслала под гласный надзор в Архангельскую губернию. В мае 1879 г. гимназист Петр Хворостянский был изобличен полицией в революционно-народнической деятельности: в рассылке прокламаций по адресам крестьян Воронежской губернии, в пропагандистской работе среди учеников гимназии, реального училища, а также среди рабочих и приказчиков[197].

В упрочении народнического движения в Центральном Черноземье значительное влияние оказали ветераны-народники, побывавшие в политической ссылке, но не свернувшие с пути революционной борьбы. Они контактировали с местными сторонниками народнических идей, передавая им практический опыт революционной деятельности. К числу ветеранов-народников Воронежской губернии следует отнести В.Я. Яковлева (Богучарского), А.О. Сыцянко. Существенное влияние на народничекое движение региона оказывали частые визиты в Воронеж таких видных народников, как Г.В. Плеханов, А.И. Желябов, А.А. Квятковский, А.И. Баранников, М.Ф. Фроленко и др.[198] Немаловажное значение имел и тот факт, что в Воронеже в 1879 г. состоялся съезд «Земли и Воли».

Будучи «крестьянскими социалистами» народники вели революционную пропаганду, главным образом, в сельской местности. Так, в Воронежской губернии этим занимались народники М.Р. Попов, М.Н. Ошанина, А.А. Квятковский, в Тамбовской губернии - В. Фигнер, Н. Морозов, П. Войнаральский, в Курской - А.Д. Михайлов, С.А. Субботина, В. Шатилова.

О том, что собой представляла практическая деятельность народников рассмотрим на примере Курской губернии. Центром народнической пропаганды здесь стало село Беломестное Новооскольского уезда, которое было приобретено дворянкой С.А. Субботиной. Кстати, она лично была знакома с С. Бардиной, В. Фигнер, П.Л. Лавровым. Поселившись в Беломестном, Софья Александровна всячески стремилась помочь крестьянам: не раз обиженные мужики обращались к ней с просьбой защитить их. И она охотно составляла прошения, помогала перемерять землю. С.А. Субботина научилась лечить больных крестьян, много сил отдавала просвещению народа. В 1873 г. в Беломестном по ее инициативе было создано народное училище для крестьян. Для оказания помощи крестьянам-беднякам С.А. Субботина намеревалась организовать в селе

[197] ЦДНИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 129. Л. 5-6.
[198] Воронков И.Г. Указ. соч. С. 33.

ссудно-сберегательную кассу. В практической работе ей помогала ее воспитанница Вера Шатилова. Она обучала детей в школе, разносила лекарства больным, посещала заседания волостного суда, присутствовала на сельских сходах, оказывала материальную помощь нуждающимся[199].

Культурно-просветительская работа народников, их пропагандистская деятельность в массах оказывали на них серьезное революционное воздействие. Под их влиянием находились не только крестьяне, но и служащие, интеллигенция, часть рабочих. Так, в Воронеже народоволец Мануйлов в 80-е годы создал кружок из представителей интеллигенции и учащихся. О плодотворности его работы свидетельствует тот факт, что кружок пользовался типографией, находящейся в одном из уездных городов Воронежской губернии. В ней, в частности, была отпечатана программа Исполнительного комитета «Народной Воли».

С 1895 г. деятельность неонароднического направления наблюдалась в Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Одессе и в городах, где были значительные колонии ссыльных и поднадзорных – Воронеже, Полтаве, Орле, т.е. там, где появлялись люди с народническими взглядами, где их могла услышать и поддержать молодежь, чаще всего студенческая, там, где был объект пропаганды – рабочие, иногда ремесленники, крестьяне. В основном такие кружки существовали в городах европейской части России, в Поволжье, на Урале, несколько кружков было в Сибири. Количество их не превышало двух-трех десятков, при этом многие возникали и быстро исчезали. Это могло зависеть и от преследований полиции, а также от того, что социалисты-революционеры просто меняли место жительства или работу. Нужно учитывать и то, что многие кружки были очень законспирированы, а некоторые вообще никак не обозначали своего существования, проводя лишь политические дискуссии и занимаясь отдельными элементами пропаганды.

Как показывают результаты исследования, сторонники неонародников в губерниях Черноземного края появились еще в начале 900-х годов. Так, в Воронеже, они заявили о себе в декабре 1895г. рядом прокламаций «К народу», «Граждане...»[200].

В это время в городе действовало несколько революционных кружков народнического направления. Одним из них руководил учитель А. Вотяков. Состав его был

[199] Запорожская О.П. «Хождение в народ» и революционная пропаганда среди крестьян Курской губернии в 70-х гг. XIX в. // Ученые записки КГПИ (Вопросы истории и краеведения). Т. 47. Ч.2. Курск, 1968. С. 89-107.
[200] ЦДНИ ВО. Ф. 5 Оп.1. Д.302. Л.1.

разнообразным. В кружок входили врач Н.Н. Исполатов, преподаватель Ф.Е. Берг, секретарь Воронежской городской управы И.А. Прозоровский, рабочий железнодорожных мастерских Рыбаков и др. Одним из первых помощников А. Вотякова был Ф.А. Когин. Он занимался гектографированием прокламаций и листовок. Значительную помощь в распространении нелегальных изданий оказывали губернский секретарь Баранов и бухгалтер И.В. Крапп. При их участии в Воронеж «доставлялись» «печатные издания» из Белгорода, Ростова-на-Дону, Курска. Так, 25 ноября 1902 г. по почте Баранов получил письмо из Курска, в котором имелись прокламации «В борьбе обретешь ты право свое»[201].

Всего же, по данным ГЖУ, в состав революционных кружков г. Воронежа входило 20 человек. Среди них были учителя, врачи, служащие, военные, а также рабочие и крестьяне. Это – учитель Ф.Е. Берг, студент Н.А. Ряховский, служащие И.Д. Часовников, И.Я. Жилин, А. Ширкин, М. Пушкарев, рабочий Н.П. Гусев, крестьянин И.А. Рыбаков, военный М.Ф. Петин, врач Н.Н. Исполатов и т.д.

В начальный период революционной деятельности неонародников в губерниях Черноземного Центра не было резкого разграничения между сторонниками различных политических направлений. Зачастую в рамках одного кружка или группы действовали сообща эсеры, социал-демократы и народники. Но по мере развития революционного движения в стране происходила дифференциация политических мнений и воззрений и в революционных кружках. Важная роль в этом принадлежала эсерам, высланным или приехавшим по собственному желанию из промышленных городов. Имея опыт революционной работы, они с местными единомышленниками создавали небольшие группы.

Остановимся на образовании одной из них - воронежской. Ей суждено было стать ядром будущей Воронежской организации социалистов-революционеров. Появление группы было связано с именем А.О. Сыцянко[202]. Будучи учеником реального училища, он сблизился с народовольцами. В 1897г. Александр устроил в доме отца склад оружия и документов. Вскоре об этом стало известно полиции. В 1880г. Сыцянко был арестован и приговорен к двум годам и восьми месяцам каторжных работ. Но ввиду несовершеннолетия осужденного наказание было смягчено, царские власти ограничились ссылкой его в Восточную Сибирь. Однако после неудачного побега

[201] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 2; Оп. 1. Д. 195. Л. 115.

[202] Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. П.,1917. С.78.

молодого революционера направили уже в отдаленные места – в Якутскую область.

В конце 1896г. А.О. Сыцянко вернулся из ссылки и поселился в Воронеже. Здесь он быстро сошелся с местными революционерами и примкнул к одному из кружков эсеровского направления. Вскоре из кружка выдвинулась группа, в которую кроме А.О. Сыцянко вошли его сестра М.О. Ослопова-Сыцянко, упоминавшийся выше И.А. Прозоровский, С.А. Виткович, А.В. Сазонов, М.П. Орлов, Л.П. Лойко и др.[203] В первые месяцы существования группа еще не имела продуманной социально-политической программы действий. Входящих в нее единомышленников сплачивало отрицательное отношение к марксизму и желание скорейшего возрождения революционного народничества. На первых порах группа занималась революционной пропагандой среди рабочих. Вскоре ей пришлось сыграть весьма существенную роль в процессе объединения разрозненных групп южных социалистов-революционеров.

Благодаря ее активной деятельности в этом направлении в августе 1897г. в Воронеже состоялся первый региональный съезд эсеров. Этот съезд положил начало деятельности партии, а не стал ее результатом. Фактически последующие съезды (второй – в ноябре 1897 г. в Полтаве, третий – в августе 1898 г. в Киеве и четвертый – в августе 1900 г. в Харькове) носили тот же организационный характер. Постоянными участниками всех организованных съездов были представители воронежской группы. Наряду с киевской и петербургской группами воронежцы играли ведущую роль в объединении эсеров, им было поручено составить программный документ – «Манифест партии социалистов-революционеров», который был написан (при участии всей группы) А.О. Сыцянко.

Информация о первом съезде эсеров крайне скудна и неопределенна. Только по косвенным данным можно установить хотя бы некоторых их возможных участников. Так, С.Н. Слетов называет как очевидных участников съезда А.О. Сыцянко, А.В. Сазонова[204]. Вполне допустимо, что и остальные неонародники Воронежа принимали участие в работе этого съезда. Кроме них на съезде присутствовали представители эсеровских групп Киевской, Полтавской, Петербургской и Харьковской губерний. Ожидались, но не прибыли посланцы Москвы, Одессы и Тамбова[205].

[203] Лойко Л.П. От «Земли и Воли» к ВКП (б), 1877-1928. М. Л., 1929. С.112.

[204] ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 21.

[205] Слетов С.Н. Указ. соч. С.77.

следует, что значительное внимание курские эсеры уделяли издательской и пропагандистской деятельности. Так, на типографию в августе 1904 г. было израсходовано 98 рублей 50 копеек. На втором месте стояло распространение литературы – 70 рублей. Комитет выделял деньги и на поездки по уездам (22 руб. 70 коп.), поддержку ссыльных и заключенных (10 руб.). Всего же членами организации в августе 1904 г. было использовано 209 руб.40 коп.[268].

Курский губернатор был не единственным начальником такого ранга, кто пытался не допустить проникновения крамолы в массы. Губернаторы из других губерний Черноземного центра совместно с полицией также принимали все меры для пресечения влияния революционных идей на учителей и учащихся. Так, в докладной записке на имя Министра народного просвещения, «о неблагонадежности» учителей заявил воронежский губернатор. Поэтому «устройство» губернским земством в июле 1904 г. курсов для учителей также было запрещено. «Итак, вы «неблагонадежны», – отмечалось в обращении Воронежского комитета П С Р. «К народным учителям и учительницам». «Это словцо полицейского жандарма означает, что в вашей среде, как и среде многих тысяч других интеллигентных людей, замечается стремление сознательно служить прогрессу родной страны, а не быть слепым и послушным орудием в руках самодержавного правительства и его защитников». И далее воронежский комитет П.С.-Р. призывал учителей «внести в народное сознание не грамотность только, а действительный свет знания, знания того, что наиболее важно для всей трудящейся массы, знания ... основных причин его бедности, его бесправия, а также тех путей, которыми она может вырваться из «нынешнего, жалкого положения». Уже в сентябре 1904 г. воронежский комитет эсеров призывал учителей объединяться на местах в районные группы и организации, а затем примкнуть к Союзу учителей социалистов-революционеров.

Среди населения губерний Центрального Черноземья имелись и сторонники умеренных социалистов, будущих энесов. Это, в основном, передовая молодежь, входившая в «Общества содействия народному образованию», работники библиотек, земских учреждений, учащиеся. Многие из них разделяли взгляды, которые высказывали умеренные социалисты А. Пешехонов, В.А. Мякотин, В.П. Воронцов и другие на страницах журнала «Русское богатство». О том, что журнал был популярен среди жителей губерний Центрального Черноземья, свидетельствуют телеграммы, поступившие в адрес «Русского богатства» в связи со смертью его идейного

[268] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 261. Л. 86.

руководителя Н.К. Михайловского. «Искреннее участие в горе, постигшем все мыслящее общество и чувство глубокого уважения к памяти покойного» выражали представители интеллигенции Воронежской, Тамбовской и Курской губерний. «Священную память погибшим в бою без слез мы сумеем хранить; мы жаждем всю силу, всю душу свою на тот же алтарь возложить!», – отмечалось в послании группы курских учащихся. «В энергичном облике Николая Константиновича русская интеллигенция ценила не только оригинального мыслителя и социолога, но также и стойкого борца за свободу и справедливость», - писали воронежцы. Это письмо за подписью 84 человек заканчивалось призывом к дальнейшей борьбе за счастье народа: «Друзья, сплотим же в общем деле, во взаимном счастье наши цели». К воронежцам и курянам присоединялась передовая молодежь Тамбова (166 человек), Суджанское общество содействия народному образованию, кружок интеллигенции из Козлова, Борисоглебская и Воронежская публичные библиотеки, рядовые граждане[269].

Однако сторонники учения Н.К. Михайловского предпринимали и более энергичные действия. Призывом «Долой самодержавие!» закончилась демонстрация, организованная либеральной молодежью в г. Курске 2 февраля 1904 г. «В одном из храмов г. Курска либеральные «земцы» заказали панихиду по Н.К. Михайловскому», – отмечалось в переписке Курского полицмейстера с начальником ГЖУ. На панихиде присутствовали учащиеся землемерного и реального училищ, фельдшерской школы, духовной семинарии, несколько студентов, а также служащие губернской земской управы - присяжные поверенные Расторгуев, Антельсон и другие. После окончания панихиды молодежь вышла на Московскую улицу с пением «Вечная память». Вскоре к ним присоединились горожане. Всего же в демонстрации приняло участие около 300 человек. Закончилась она призывом «Долой самодержавие!»[270].

Таким образом, в исследуемом регионе имелась почва для восприятия идей умеренных социалистов. Неудивительно, что после образования партии энесов ее сторонники появились и в губерниях Центрального Черноземья.

В целом же, по данным М.И. Леонова, в конце 1904-начале 1905 гг. в сфере партийного влияния эсеров находилось от 1500 до 2000 человек. По подсчетам Н.Д. Ерофеева, численность партии эсеров составляла 2651 человек[271]. В то

[269] Русское богатство. 1904. № 2. С. 175, 188; № 3. 188-190; № 4. С. 219, 224.

[270] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 213. Л. 7, 13-14.

[271] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., РОССПЭН, 1997. С.46-47.

время в Российской империи существовало 75 групп ПСР. При этом в 1900 г. оформилась одна (Алапаевская, Пермская губерния), в 1902 г. – 32, 1903 г. –32, 1904 г. – 10 групп. К началу 1905 г. в Европейской России уже действовало 23 губернских, а также 43 городских и уездных организации. Наиболее многочисленными были Одесская (479 человек) и Киевская (416 человек), затем Петербургская (216 человек), Московская (193 человека). Екатеринославская (181 человек), Саратовская (139 человек) организации[272].

И все же, по словам С.Н. Слетова, в 1904 г. в эсеровских организациях Курска, Орла, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары и других городов «положение было далеко не блестящее». В Кишиневе, Чернигове и Харькове – никаких групп не было, в Киеве – были только остатки от прежней организации. И только в Саратове, по мнению Слетова, «дело было несколько лучше». Местная молодежь группировалась вокруг Старынкевич и Та. (Ракитникова И.И.). Там была поставлена правильная организация: комитет, типография, выпускались прокламации, велась пропаганда среди рабочих, ширились и крестьянские связи. В то время Саратов представлял собой своего рода центр, поэтому революционеры приезжали туда из других мест «за литературой и за связями». «Хороший комитет» и «хорошую работу» Слетов отмечал в Смоленске. Она была поставлена благодаря деятельности Анастасии Биценко, Максимилиана Швейцера, Ю. (сестер Костюшко). «Это было почти единственное место, где смотрели на положение дел очень бодро, весело и где работа шла во всю», – писал Слетов[273].

Что касается связи между центром и организациями в России, то до революции 1905-1907 гг. они были весьма слабыми. В самой стране центральной организации как таковой не было. Для эсеров центром была заграница, хотя все-таки больше они считали ее идейным центром. Взаимоотношения же между эсеровскими организациями различных регионов России также желали быть лучше. И все уже в 1903 г. существовал «постоянный обмен людьми» между Москвой, Смоленском, Саратовом, Одессой и другими городами. Однако связь эта была, по словам Слетова, «чисто личная, не организационная».

---

[272] Подсчет сделан на основании: Леонов М.И. Указ. соч. Приложение 1. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 годах. С. 407-455.

[273] Из показаний С.Н. Слетова (Землякова) судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа (22 апреля 1910 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. С. 139, 141.

И хотя представители из других комитетов и сообщали о положении дел в своих краях, организационная связь выражалась только в том, что один комитет обращался к другому с просьбой дать им литературу[274].

Итак, подведем итог. Эсеровские объединения и группы в губерниях Черноземного центра заявили о себе еще в 1894-1895 гг. Однако вплоть до конца 1901г. организационно эсеры были совокупностью малочисленных разрозненных интеллигентских кружков, в состав которых преимущественно входили бывшие народовольцы и радикально настроенная интеллигенция.
1903-1904 годы были периодом организационного оформления эсеров Центрального Черноземья. Так, эсеровская группа в г. Тамбове оформилась в 1902 году. Через год был образован губернский комитет. Он осуществлял общее руководство революционной работой в губернии, снабжал деньгами и литературой, посылал работников на места. В уездах всю работу вели уездные группы. С апреля по сентябрь комитет издал, в основном для крестьян, до 70 тысяч экземпляров прокламаций и еще распространил 15 тысяч экземпляров, изданных Поволжским областным комитетом. Уездные группы появились только в начале 1906 г. Так, Борисоглебская, Кирсановская, Козловская автономная, Моршанская, Тамбовская уездные группы (всего в 11 уездах) заявили о себе в марте 1906 г. По данным Н.Д. Ерофеева, перед первой российской революцией Тамбовская губернская организация насчитывала 66, Курская – 30, Воронежская – 28 человек. Более точные данные у М.И. Леонова. Ему удалось выяснить, что в 1904 г. только в Тамбовской уездной организации в 1905 г. числилось 150-200 человек. В 1903 г. в г. Тамбове имелось 480 эсеров; в Борисоглебском уезде эсеровская группа возникла в 1903 году и насчитывала 250 членов. В Козловскую группу (1903 г.) входило 200 человек. Кирсановская группа окончательно оформилась в 1906 г. и насчитывала до 320 человек. Всего же в состав Тамбовской губернской организации в 1903-1906 гг. входило около 1400 человек[275].

---

[274] Из показаний С.Н. Слетова (Землякова) судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа (22 апреля 1910 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 144.

[275] Ерофеев Н.Д. Указ. соч. С. 126; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 425-426.

Партия социалистов-революционеров Центрального Черноземья в 1894 – 1904 гг.

Населенный пункт	Время создания группы (братства)	Время создания комитета	Численность
г. Воронеж	1894-1895	1903	20 304
Бобровский уезд	1904		
Новохоперский уезд	1904		
г. Курск	1903	1904	26 375
г. Грайворон	1897		16
г. Старый Оскол	1904		
Суджанский уезд	1904		
Щигровский уезд	1904		
Рыльский уезд	1904		
Льговский уезд	1904		
Тамбов	1897	1903	480
г. Борисоглебск	1903		250
с. Павлодар, Борисоглебский уезд	1898 (братство)		
Козловский уезд	1904		200

Социальный состав партии эсеров перед первой российской революцией[276]

Организации	Лица труда		Лица, занятые умственного физическим трудом					Социальная принадлежность выявлена	Социальная принадлежность не выявлена	Всего
	Студенты	Интеллигенция	Всего	Рабочие	Крестьяне	Всего				
Тамбовская	5	22	27	5	21	26		3	5	66
Воронежская	1	20	21	2	-			3	2	28
Курская	2	20	22	1	-			3	2	30

[276] Таблица составлена на основании данных Ерофеева Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. статей. М.:Наука, 1989. С. 128-129.

Однако эти цифры назвать бесспорными нельзя, но и выявить с точностью численность эсеров в этот период не представляется возможным. Сами они учета членов своих организаций не вели, а сводки жандармских управлений, собранные в 1903-1904 гг. не достаточно точны, так как представители местных полицейских органов порой толком не знали, кто такие эсеры, путали их с социал-демократами.

В эсеровских группах уездных городов в основном преобладала интеллигенция, но не цензовая, а близко стоящая к массам по своему социальному происхождению, характеру деятельности, имущественному положению: учителя, фельдшеры, агрономы, земские служащие. Так, группа Тамбовского уезда состояла из 18 человек: 5 учителей, 4 учащихся, 1 псаломщик, 7 крестьян. В Кирсановскую группу (15 человек) входили учителя, фельдшеры, и «интеллигентские крестьяне».

Как свидетельствуют архивные материалы в Центральном Черноземье эсеровское движение развивалось наиболее быстрыми темпами в Воронежской губернии. Местные эсеры сыграли заметную роль в разработке теоретических положений будущей российской организации и в процессе объединения разрозненных кружков в партию. Однако в уездах действовали в основном неонародники-одиночки. Оформление большинства уездных групп произойдет только в ходе революции 1905-1906 гг.

Что касается деятельности эсеров исследуемого региона, то она заключалась в проведении агитационно-пропагандистской работы среди рабочих, служащих, учителей, учащихся. Уже в то время ими делались попытки распропагандировать военных. Но главное внимание эсеры сосредоточили на работе среди сельского населения. В отличие от центральных организаций, эсеры Воронежской, Курской и Тамбовской губерний еще в 90-е годы XIX в. считали крестьянство «основным объектом» воздействия. В 1897г. им даже удалось организовать первое в России крестьянское братство.

Доля эсеров, занятых пропагандой в крестьянстве, с приближением революции увеличилась. Отметим, что на первом месте по силе воздействия на массы стояла печатная пропаганда. Устная агитация в дореволюционное время занимала незначительное место, небольшим было и число крестьянских организаций. Осложняло «общение» эсеров с массами и то обстоятельство, что в начальный период деятельности они испытывали острую нехватку революционной литературы. Поэтому важное место в своей работе эсеры отводили выпуску нелегальных изданий на местах. Правда,

часть их поступила из Москвы, Саратова, Харькова, других городов.

В литературе предреволюционного периода, издаваемой эсерами Черноземного Центра, отражались, в основном тактические установки партии. Они заключались в организации законными средствами перемен в государственном устройстве и проведении коренного земельного переустройства. Эсеры призывали крестьян к всеобщим демократическим выборам, созыву Земского собора. Рекомендовались и формы этой борьбы. Эсеры советовали крестьянам объединяться в братства и союзы, читать «хорошие и честные» книги. Однако не исключались и более активные методы борьбы, а именно, подготовка к «грядущему вооруженному восстанию».

В целом же, на оформление эсеровских организаций в губерниях Центрального Черноземья повлияло два крупных события. Речь идет об образовании в 1900 г. регионального объединения эсеров – «Южной партии социалистов-революционеров» и об образовании в конце 1901-начале 1902 гг. общероссийской партии эсеров. В рамках этих объединений неонародники региона смогли получать революционную литературу, финансовую помощь, людские ресурсы.

Однако денег постоянно не хватало. Поэтому на конференциях и съездах эсеры регулярно поднимали вопрос о пополнении бюджета. Так, Курский губком, «признавая, что для текущей партийной работы необходимы постоянные средства», считал обязательным «ежемесячное самообложение членов организации (членские взносы должны соответствовать их доходам)». Он также рекомендовал «открыть сбор денег по местностям, организовывать лекции, концерты, оборудовать книжную лавку «с канцелярскими и писчебумажными принадлежностями»[302].

Уездные комитеты принимали аналогичные решения. Многие из них нуждались в денежных средствах, из-за нехватки которых они не могли поставить на должный уровень революционную работу в ряде населенных пунктов. В Старом Осколе, например, уездный комитет неоднократно обсуждал вопрос «о пополнении кассы организации путем разбойных нападений на частных лиц и казенный денежный транспорт». Под руководством председателя организации П.Л. Скулкова был разработан и осуществлен план нападения на денежный транспорт Старооскольской почтовой конторы и на казенную лавку на станции «Касторной». Комитет также собирался увеличить бюджет организации за счет партийных взносов и продажи литературы через книжный киоск. «Оплачивать» высылаемую из губернского центра революционную литературу принял решение и Кирсановский уездный съезд (Тамбовская губерния)[303].

Финансовую помощь местные эсеровские комитеты получали от беспартийной организации «Союза Союзов». Известно, например, что в Курске в июне 1905 г. состоялся учредительный съезд этой организации. В работе съезда принимали участие посланцы профсоюзных организаций (адвокатов, агрономов, статистиков, земцев-конституционалистов, железнодорожных служащих, учителей), а также один делегат от Щигровского крестьянского союза. В отношении революционных партий «Союз Союзов» высказался за их «материальную поддержку»[304].

Бюджет губернских комитетов состоял из поступлений от работы в городе и уездах. Зачастую поступления из уездов были значительно больше городских. К примеру, за май-август 1906 г. доход Воронежского губкома от работы в городе составил 632 руб. 53 коп., - от работы в уездах – 1052 руб. 26 коп.[305]

[302] МИСИ. Архив ПСР. 343.

[303] ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 524. 66; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1057. Л. 22.

[304] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 233. Л. 244.

[305] ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 2. Л. 178.

Рассмотрим бюджеты губернских комитетов П.С.Р. в 1906 г. Так, приходная часть бюджета Курского губкома составляла в ноябре-декабре 1906 г. 965 руб. 77 коп (сборы по листовкам и членские взносы составили 135 руб.; поступления от предприятий –310 руб.; отчисления от уездных комитетов – 200 руб.). Значительную сумму – 300 рублей губком получил от Областного Комитета. Расходы комитета распределялись следующим образом: работа среди солдат – 230 руб. 77 коп.; крестьянская работа - 76 руб.; типографские расходы – 55 руб.; помощь товарищам – 36 руб. Большие суммы выделялись на содержание профессиональных работников – 207 руб. и конспиративную работу – 563 руб. 15 коп. Уездные отчисления не превышали 25 %. Часть доходов (40 %) губком отправлял в ЦК и 10 % в пользу Областного комитета. В свою очередь, значительные суммы губкомы получали от Областных комитетов и ЦК. Так, помощь центра Воронежскому и Курскому губкомам соответственно составила 200 и 300 руб.[306]

В годы революции партийные объединения социалистов-революционеров выросли численно. По России в данный период (в 30 из 62 губернских и 16 областных организаций) в состав городских объединений ПСР входило от 128-130 до 500 человек. Исключением были С.-Петербургская (3400-6000 человек), Моковская (2000-3000 человек), Киевская (1110 человек). Пензенская (1050 человек), Саратовская (1018 человек)Тифлисская (815 человек) организации[307].

Центральное Черноземье не являлось итсключением. Здесь также наблюдался рост численности эсеровских объединений. Формировались рабочие, крестьянские, студенческие, военные союзы, боевые дружины. Во всех организациях, по которым имеются сведения, рабочие и крестьяне составляли подавляющее большинство. Одной из многочисленных городских организаций эсеров можно назвать Воронежскую. По данным самих эсеров, в ее состав входило от 2000 до 2027 человек. Тамбовская городская организация насчитывала от 412 до 500 человек. В Курске в годы революции имелось до 400 членов эсеровской партии.

Группы уездных городов состояли преимущественно из 10-30 человек. Например, Кирсановская и Козловская группы в Тамбовской губернии насчитывали соответственно 10 и 14 человек[308]. В уездных группах Курской губернии наблюдалась такая же картина: в Суджанскую и Белгородскую группы входили 15-20 и 29 человек, Корочанскую –18, Льговскую – 29, Рыльскую –14. Исключение составляла крупная городская

[306] МИСИ. Архив ПСР. 343; 435-446.

[307] Леонов М.И. Указ. соч. Приложение 1. С. 407-455.

[308] ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 638. Л. 1-6.

организация в Старом Осколе (Курская губерния). В ее рядах находилось от 70 до 100 человек[309].

Первичные организации в городе (кружок, группа) и сельской местности (братство), как правило, насчитывали 7-15 человек. Исключением являются наиболее многочисленные братства Воронежской губернии, в состав которых в среднем входило от 50-ти до 100 человек[310].

Число членов уездных организаций в Центральном Черноземье колебалась от 40 до 1400 человек. Так, в шести уездах Воронежской губернии насчитывалось от 1260 до 1320 человек, в Курской губернии - от 170 (Грайворонский уезд) до 517 (Щигровский уезд)[311].

Нужно заметить, что численность эсеровских организаций исследуемого региона менялась на протяжении всего периода революции. В конце 1905-начале 1906 гг. карательные экспедиции правительства выметали, порой подчистую, сельские организации. Причем постадали в первую очередь наиболее многочисленные объединения, в том числе в Воронежской, Курской и Тамбовской губерниях. Опустошены были и городские организации. Но с весны 1906 г. они стали восстанавливаться. К этому времени и относится начало сравнительно регулярного их учета.

В целом по России наблюдался активный процесс формирования эсеровских объединений. Так, в Черниговской губернии в это время насчитывалось 14 организаций ПСР, во Владимирской, Вятской, Орловской, Нижегородской – по 11, Витебской и Саратовской – по 10, Бакинской, Кубанской, Смоленской, Пермской и Тверской – по 9, Костромской, Минской, Новгородской, Херсонской - по 7 уездных организаций. В остальных губерниях имелось от 2 до 6 уездных организаций. В исследуемых нами губерниях численост уездных организаций была следующей: Воронежская – 11, Курская – 10, Тамбовская – 7. В целом это неплохой показатель роста организаций ПСР[312].

Социальный состав эсеровских организаций был следующим: из 21752 членов ПСР – рабочие составляли 43,2 % (9394 человека), крестьяне и солдаты – 45,2 % (9380 человек), интеллигенция (включая и учащихся) – 11, 6 % (521 человек). Однако он не был однородным. В губерниях, где находились крупные промышленные центры рабочие составляли половину организаций. В земледельческих районах превенство

[309] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 185. Л. 1-3; Д. 341. Л. 68-74; МИСИ. Архив ПСР. 343.

[310] ЦДНИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 300. Л. 2.

[311] МИСИ. Архив ПСР. 343. Д. 435-446.

[312] Леонов М.И. Указ. соч. С. 407-455.

принадлежало крестьянам. Так, по социальному составу организации Москвы и Петербурга были преимущественно рабочими. Партийных крестьян в них насчитывалось около 10 % 9425 человек). В губерниях Промышленного центра, Северо-Запада и Урала (Смоленская, Тульская, Вятская) были примерно одинаковыми по составу: партийных рабочих – 41, 3 %, крестьян – 42 %, интеллигентов – 16,7 %. В земледельческих губерниях Поволжья преобладали крестьяне (более 50 %), рабочие составляли до одной трети (35,4 %), интеллигенты – не более 10-14 %. Подобная ситуация сложилась и в земледельческих губерниях Украины, а также Центрального Черноземья[313].

Рассмотрим социальный состав организаций разных типов, существовавших в губерниях Центрального Черноземья. Губернские центры – Курск: служащие составили 31,2 %, студенты и учащиеся – 12,5 %, рабочие – 12,5 %, военные – 4,6 %. 36 % - социальную принадлежность выяснить не удалось[314].

Уездные центры: Старый Оскол (99 человек)– крестьяне – 53 %, 10 % - учителя и студенты, 15 % - мещане[315]. Были среди них и выходцы из дворян (6 человек), дети священников (2 человека), военные (4 человека). Но преимущество было за крестьянами – 53 человека. Учителей и студентов насчитывалось соответственно 4 и 6 человек. Рабочие входили в «Старооскольский железнодорожный союз социалистов-революционеров» (66 человек). Среди его руководителей были мещане (К.А. Муромцев– 24 г. П.Л. Скулков- 22 г. Ф.И. Заикин, М.С. Скавронский, И.И. Лубошев –22 года, А.Е. Першин, И.А. Мазуров, В.Г. Безсонов, В.Н. Балычев), крестьяне (Г.П. Саликов В.Н. Лукьянов, Я.П. Якунин). Своеобразный социальный состав Белгородской эсеровской организации. Она состояла из 29 человек, из которых 19 были военными. Остальные – 4 мещанина, крестьянин, рабочий, купец, дворянин, врач и учитель[316]. В Кирсановскую группу (15 человек) входили учителя, фельдшеры и «интеллигентные крестьяне»[317]. В уездных группах перобладали крестьяне. К примеру, группа Тамбовского уезда состояла из 18 человек: из них – 7 крестьяне, 9 – учителя и учащиеся, 1 священник. Из 9 членов П.С.-Р. Путивльского уезда (с. Крупец) – 7 крестьяне, дворянин и дочь священника[318].

[313] Леонов М. И. Указ. соч. С. 59.

[314] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 72. Л. 1-6.

[315] Там же. Оп. 2. Д. 341. Л. 68-74.

[316] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 185. Л. 1-3.

[317] ГАРФ. Ф. 102. (МЮ). 1906. Д. 401. Л.8.

[318] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 155. Л. 73.

Таким образом, в состав уездных организаций входили преимущественно крестьяне «с вкрапливанием среди них десятками, а иногда и единицами интеллигентов». Причем низовые организации пополнялись прежде всего за счет молодежи. С развитием революции в организации стали активно вступать женщины. Так, в Старооскольской организации активными членами были А.И. Сизых, М.Н. Черных, Е.А. Кувшинникова, З.М. Старосельцева, Л.В. Правдина, К.И. Толмачева[319]. Значительное число в группах уездных городов составляла интеллигенция, но не цензовая, а близко стоящая к массам как по своему социальному происхождению, так и по характеру деятельности, и по имущественному положению: учителя, фельдшеры, агрономы, земские служащие.

Мы привели данные по всем типам организаций Центрального Черноземья. Как видим, характерной чертой эсеровских объединений исследуемого региона было примерно равное количество в ее составе рабочих, крестьян, а также значительное число нецензовой интеллигенции.

Осенью 1906 г. в народническом направлении произошел окончательный раскол – конституировались партия народных социалистов (энесов) и союз социалистов-революционеров-максималистов. С обращением к интеллигенции «левее кадетов» и призывом объединиться впервые выступил в 1905 г. В. Богораз-Тан в статье «Кто мы такие?». Отмечая, что политическое самосознание народа растет, и интеллигенция не может оставаться беспартийной, он указал на то, что ей остается разбрестись или по имеющимся партиям, или попытаться создать свою, «великую народно-демократическую партию». Инициаторами создания партии и наиболее влиятельными членами ее организационного комитета были А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин и Н.Ф. Анненский - публицисты и члены редакции легального народнического журнала «Русское богатство». Окончательное оформление партии состоялось через год - в сентябре 1906 года. В ноябре на учредительной конференции была образована Народно-социалистическая трудовая партия, приняты ее программа и устав, опубликованные в первом номере партийного журнала «Народно-социалистическое обозрение». Программа энесов представляла собой сгусток политической, экономической, социологической мысли российской интеллигенции, настроенной социалистически, но не скованной догмами какого-либо вероучения, будь-то западнический марксизм или теория русского общинного социализма А. Герцена и Н. Чернышевского. В отличие от программ других партий, она не предписывала России строго заданного пути развития и даже

[319] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 293. Л. 880-1076.

формы правления. Один из лидеров энесов В. Мякотин говорил о том, что в мире есть и свободные монархии, и недостаточно свободные республики, поэтому дело не в форме, а в содержании. «Все для народа, все через народ» – это стало партийным девизом энесов.

20 сентября лидеры оргкомитета энесов известили Петербургского градоначальника о намерении создать народно-социалистическую партию. Тем же днем помечен первый номер «Народно-социалистического обозрения», в котором был помещен список членов Оргкомитета, программа и основные организационные принципы. Конституировалась партия на I конференции (22-28 ноября 1906 г.), на которой присутствовало 8 из 20 имевшихся к тому времени групп. Конференция высказалась за «народовластие, как парламентские, так и внепарламентские средства борьбы». В начале 1907 г., по данным Н.Д. Ерофеева, функционировало 56 групп общей численностью около 1500 человек, в основном интеллигенты и учащаяся молодежь.

В годы революции группы народных социалистов появились и в губерниях Центрального Черноземья. Так, в Воронеже руководителем народных социалистов был врач Н.А. Вырубов. Его ближайшими помощниками являлись врач Левашов, а также присяжные поверенные В.М.Яковлев, Н.И. Калужников, Д.К. Долгов, И.А. Бунин, учителя Л.И. Левченко и Д.Ф. Лебедев. Всего же в начале 1907 г. в Воронежскую организацию народных социалистов входило 100 человек. В 1907 г. группы народных социалистов появились и в других городах Центрального Черноземья: Тамбове, Козлове, Курске[320].

Как показывают разнообразные источники, энесы набирали сторонников из околоэсеровской публики, «третьего элемента земства», демократической интеллигенции города и деревни. В Воронежскую группу народных социалистов, по сведениям жандармского управления, «вошли присяжные поверенные, земские врачи, несколько железнодорожников». По тем же сведениям, «они ни в каких организациях не состояли и ограничивали свою деятельность распространением литературы исключительно в городе»[321].

Таким образом, в период революции 1905-1907 гг. завершился процесс формирования неонароднических организаций Центрального Черноземья. В это время укрепились губернские комитеты эсеров, появились уездные и сельские группы. Заявили о себе и народные социалисты. Однако их группы оформились лишь к концу революции. Активнее действовали социалисты-революционеры региона. Начиная с

[320] ГАРФ. ДП. ОО. 1907. Оп. 237. Д. 15. Л. 24.

[321] Там же. Оп. 235. 1906. Д. 725. Ч.1. Л. 8.

за известным эсером Г. Подбельским, вернувшимся в Тамбов из Архангельской ссылки и т.д.[625]

Особое внимание уделялось эсерам и трудовикам бывшим депутатам Государственных дум. Так, курский полицмейстер в своем донесении на имя губернатора в январе 1908 г. сообщал, что «по самым тщательным наблюдениям в г. Курске деятельность трудовой группы ни в чем не проявляется и членов ее здесь не замечается». Значительное внимание ГЖУ уделяло и к «поимке» эсеров, бежавших с каторги и ссылки. Так курским ГЖУ были предприняты все попытки к задержанию К. Лузина, активного члена Щигровского крестьянского союза ПСР, бежавшего с Иркутской ссылки. При этом было задействовано несколько агентов[626].

Таким образом, за годы революции местные ГЖУ пришли к заключению, что единственным, надежным средством, обеспечивающим контроль за оппозиционным движением, является секретная агентура. Поэт ому в годы революции, и особенно в послереволюционный период ГЖУ предпринимали все усилия для организации «тайной агентуры». Причем анализ документов показал, что число филеров и секретных агентов постоянно увеличивалось. Это помогло местным отделениям жандармерии держать под «неусыпным контролем» любые действия, направленные на возрождение эсеровских организаций региона.

4. Эсеры Центрального Черноземья в ссылке и на каторге.

Накануне I-й мировой войны в Сибири находилось более 5 тысяч политических ссыльных, а к февралю 1917 г. – 8389 человек. Около 1/5 ссыльных проживало в городах, промышленных пунктах, на крупных станциях. Среди них – 934 человека – социал-демократы, 610 человек – социалисты-революционеры. Наибольшее количество эсеров проживало в Бодайбо, Иркутске, Красноярске, Черемхове, Новониколаевске, Минусинске и Томске[627]. Только в Киренском уезде Иркутской губернии в 1912 г. было зарегистрировано 670 политических ссыльных. Среди них: 255 социал-демократов, 201 социалист-революционер, 41 анархист, 8 максималистов, 118

[625] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 582. Л. 80; Д. 584. Л. 112; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1787. Л. 12.

[626] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10239. Л. 9.

[627] Горюшкин Л.М. Эсеры в Сибирской ссылке в годы первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Сб. научн. трудов. Новосибирск, 1988. С 107.

беспартийных и т.д.[628] Были среди них и уроженцы Центрального Черноземья. Так, из 936 человек, сосланных в Сибирь и в отдаленные губернии Европейской России в 1912-1913 гг. было освобождено от высылки 20 социалистов-революционеров исследуемого региона. Из них – в Архангельской и Вятской губерниях находилось 6, Олонецкой - 3, Томской, Тобольской и Якутской – 8, Енисейской – 3 человека. Всего же, по неполным данным, с 1907 по 1917 г. в Енисейскую губернию было направлено 34 социалиста-революционера, в Иркутскую – 41, Тобольск, Красноярск, Оренбург Архангельскую губернии и т.д. – около 50 социалистов-революционеров Центрального Черноземья[629].

Перед отправкой на поселение многим осужденным эсерам Центрального Черноземья пришлось пройти через Шлиссельбургскую, Бутырскую, Акатуевскую, Орловскую и другие тюрьмы. Так, из 100 эсеров региона каторгу отбывало 57 человек. В стенах Шлиссельбургской тюрьмы побывало 7 эсеров, Бутырской – 8, Александровской – 7, Владимирской – 8 и т.д. Через Архангельскую, Тобольскую, Ярославскую, Орловскую каторжные тюрьмы прошли многие известные революционеры региона. По 5-7 лет осужденные социалисты-революционеры томились в губернских тюрьмах[630]. Акатуевской тюрьме, одной из семи тюрем Нерчинской каторги, находилось 25-30 эсеров, 3-4 социал-демократа, несколько анархистов, в Мальцевской каторжной тюрьме в январе 1907 г. содержалось 36 эсерок, 13 анархисток, 5 большевичек, 2 меньшевички и т.д. Были среди них и уроженцы Центрального Черноземья. Так, П.Н. Шавердо по пути следования в Архангельскую ссылку побывала в Бутырской, Ярославской и Архангельской тюрьмах. Немало мест заключения пришлось сменить Л.Н. Завадскому, члену Кирсановской организации ПСР. С 1908г. по 1911 г. отбывал наказание в Тамбовской губернской тюрьме, в 1911-1913 гг. – в Бутырской, в 1913 г. вышел на поселение в Мартыновскую волость Иркутской губернии.

Политическим заключенным в России приходилось бороться за свои права. Первоначально их помещали в камеры, где большинство состояло из уголовников, враждебно настроенных к ним. Тюремное начальство прилагало все усилия к тому, чтобы поссорить их между собой. Однако им это удавалось не всегда. «Политические заключенные терпеливо

[628] Пешехонов А.В. На очередные темы. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7.С. 42-76.

[629] ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 774. Л. 29-34.

[630] Политическая каторга и ссылка. Биографический словарь-справочник. М., 1929. С. 1- 686.

организации «Бунд». На нем также присутствовали представители Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем собрания был единогласно избран прокурор окружного суда В.К. Вольский. На этом собрании основное внимание было уделено единению «в этот грозный час» всех социалистических партий и выработке для них единого плана действий. Однако решения этот вопрос так и не получил.

Подобная картина наблюдалась и в Курске. «Наша студенческая молодежь была разбита на партии, а съезд студентов с первого же дня раскололся на фракции. Делегаты съезда расселись даже вокруг красным сукном покрытого стола по фракциям. Ни о каком единении социалистического студенчества больше думать не приходилось», - вспоминала Е. Олицкая. С горечью она подчеркивала, что ни по одному из насущных вопросов революции – немедленное заключение мира или война до победного конца, скорейший созыв Учредительного собрания или немедленный захват власти Советами, решение земельного вопроса и т.д., – студенчество не смогло добиться общего решения. «Свергнуть царизм мы могли сообща, но построение нового общества совместно оказалось невозможным»,– писала она[659].

И все же надежда на объединение всех социалистических сил не покидала энесов. В сентябре 1917 г. состоялось заседание ЦК ПСР, на которое были приглашены представители ТНСП. По инициативе последних обсуждался вопрос о совместной деятельности обеих партий на предстоящих выборах. Местным группам эсеров и энесов предоставлялось право заключать блоки между собой. Особое значение придавалось вопросу о том, чтобы соглашение обеих партий «проводилось» как можно чаще на выборах в органы местного самоуправления, в работе Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также в других общественно-демократических организациях[660].

Особое место отводилось выборам в органы местного самоуправления. «Борьба за волостное земство – это борьба не с правительством, а с темнотой и неподготовленностью народа»,– отмечали энесы. По их мнению, именно они «грозят самому существованию волостного земства». «Русское общество и в особенности все старые работники, должны осознавать, что без самой активной их помощи деревня, волостное земство в большинстве случаев не сможет укрепиться, не сможет

[659] Олицкая Е. Мои воспоминания. Т.1. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. С. 79.

[660] Народный социалист. 1917. № 7(56).

завоевать в глазах населения тех симпатий, той поддержки, без которой ему трудно сохраниться среди бурь и непогод революционного времени», - отмечали энесы. Вместе с тем они подчеркивали, что укрепление волостного земства, внедрение в сознание населения важности идей самоуправления для дела революции, для торжества революционных принципов более важно, чем даже сохранение и укрепление различных комитетов и советов. «Это нужно сознавать и идти энергично и беззаветно на служение молодому самоуправлению», –подчеркивали народные социалисты[661].

Анализируя прошедшие выборы, энесы отмечали, что почти повсеместно по всей стране наблюдалось уклонение крестьян от участия в выборах. Имелись даже хутора, где ни один человек не явился на выборы. Так, в Елатомском уезде Тамбовской губернии почтит всюду за исключением одной волости происходило значительное недоизбрание гласных. Если на первые выборы здесь явилось 49 % избирателей, то на вторые – 34 %. По мнению энесов, это происходило потому, что большинство крестьян смотрит на выборы, «как на новую затею». Многие голосовали за «своих людей» (кума Ивана, свата Егора). Иногда раздавались голоса: «не выбирайте буржуев и интеллигентов» - и не выбирали.

Но были и приятные исключения. Так, отрадную картину представляли собой выборы в с. Рассказово Тамбовской губернии, где была создана небольшая группа энесов. «Население приняло живейшее участие в выборах, даже старички и старушки ползли с конвертами в руках исполнить свою гражданскую, может быть необычайную и неожиданную для них обязанность, выстраивались в очередь и ждали часами», - отмечалось в газете «Народный социалист»[662]. Энесы пытались объяснить успех выборов тем, что с. Рассказово было не похоже на обычные населенные пункты. По их словам «здесь имелось много интеллигенции». Об этом свидетельствуют результаты выборов: среди избранных гласных оказались 2 врача, 1 механик, 8 бухгалтеров и конторщиков. Немаловажен и тот факт, что на выборах функционировало два списка – демократического блока, объединившего рабочих, крестьян, служащих и трудовую интеллигенцию и прогрессивного блока, под флагом которого шли торговцы и промышленники. «Такое разделение кандидатов» не по партиям, а по социальному положению оказалось для населения, мало разбиравшегося в партиях, самым подходящим.

В настоящий праздник превратились выборы гласных в волостное земство в с. Стаканово Тамбовской губернии. Вот как

[661] Народный социалист. 1917. № 9 (58).

[662] Там же.

об этом рассказывали сами энесы: «В 2 часа возле церкви был отслужен молебен. Отец Александр призвал народ к спасению родины и к ее защите. Затем с красными флагами, на которых было написано «Да здравствует Земля и Воля!» и революционными песнями манифестанты направились к волостному правлению»[663].

Заметим, что партия народных социалистов была немногочисленной. Однако это не помешало ей выставить свои списки на выборах в органы местного самоуправления во всех уездных и губернских городах Центрального Черноземья. По социальному составу она являлась интеллигентской партией. Так, среди представителей энесов Воронежской губернии преобладали гласные городских дум, земские деятели, учителя, мировые судьи[664]. Идеи энесов разделяли агрономы, преподаватели, бухгалтера. Так, среди 30 кандидатов в депутаты Тамбовской городской думы было 8 служащих земских управ, 5 учителей, 1 солдат, 1 лесничий, 4 бухгалтера, 1 библиотекарь, 1 инженер и т.д.[665] Подобная картина наблюдалась и в уездных городах. В Белгороде, например, из 25 кандидатов в депутаты городской думы было 6 учителей, 1 священник, 1 юрист, 1 прапорщик, 1 фельдшер, 4 машиниста, 5 чиновников, 5 кустарей, 1 солдатка[666].

Нередко в ряды партии попадали члены ссудно-сберегательных и кредитных товариществ, союзов кооперативов и т.д. В Тамбове, например, во время выборов в Учредительное собрание энесы объединились со съездом кооперативных организаций и выступили единым списком[667].

О причинах крайне слабого влияния партии в массах свидетельствует высказывание курского учителя А.А. Фортунатова. Сравнивая собрания эсеров и энесов он говорил: «С социалистами-революционерами можно не соглашаться, но их всегда слушаешь с интересом. На их собраниях всегда приподнятая атмосфера; у энесов – часто и умно, и благоразумно, но – нет-нет и вспомнишь «Живой труп» А. Толстого. Помните, изюминку, вот ее – то и нет у народных социалистов»[668].

[663] Народный социалист. 1917. № 9 (58).

[664] Солдат и рабочий. 1917. № 86; Воронежский телеграф. 1917. № 239.

[665] Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1917. № 88.

[666] Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 24.

[667] Солдат и рабочий. 1917. № 90.

[668] Курская жизнь. 1917. № 10.

Среди губерний Центрального Черноземья наиболее активно энесы действовали в Воронеже. Они сконцентрировались вокруг старого народовольца, активного члена партии народных социалистов, одного из основателей Всероссийского учительского союза Н.В. Чехова. Сторонники энесов имелись и в Воронежском гарнизоне. Председателем полкового комитет здесь был Я.М. Калиновский[669].

Небольшие группы энесов появились и в ряде уездов: Валуйском, Острогожском, Бобровском (Воронежская губерния). По утверждению самих энесов, их сторонники имелись и в остальных уездах губернии. Всего же, местные группы ТНСП насчитывала около 100 человек[670].

Довольно многочисленной была группа народных социалистов в г. Белгороде Курской губернии. Ее возглавлял директор мужской гимназии Герман Федорович Линсцер. В группу входило около 30 человек. Среди них священник А.Г. Попов, юрист Я.А. Травкин, фельдшер А.Н. Лимар, прапорщик Н.А. Монько, учителя П.П. Скрипников, Д.И. Сапрыкин, А.Н. Красовский и другие. Были среди них и рабочие, служащие, кустари. И все же преобладающее место занимала интеллигенция. Крестьяне в группе отсутствовали[671].

Небольшие группы энесов возникли в ряде сел Тамбовской губернии: в апреле организовалась группа в с. Сасоево. Ее возглавил земский страховой агент А.А. Зеленецкий. В июне группа ТНСП оформилась в г. Козлове. В нее входили преимущественно земские учителя, в том числе и члены Совета крестьянских депутатов. Литературу члены группы получали из Москвы[672].

Небольшие успехи революционной работы в деревне окрыляли партию. На Всесоюзном съезде народно-социалистической партии, проходившем в июне 1917 г. отмечалось, что «идеи и программа партии встречают сочувствие не только у интеллигенции, настроенной социалистически, но и среди крестьян, и даже рабочих, не порвавших связь с деревней». Немногочисленность своих рядов народные социалисты объясняли тем, что «партия включает в свои ряды только граждан, вполне разделяющих и понимающих программу партии и ни в коем случае не допускающим огульного присоединения к партии целыми селениями, деревнями или войсковыми частями». При этом энесы указывали на то, что по мере того, как трудовое крестьянство

[669] Воронежский телеграф. 1917. № 208.

[670] Народный социалист. 1917. № 3.

[671] Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 22.

[672] Народное слово. 1917. № 7, № 24.

рассчитывая извлечь выгоду из членства в правящей и самой влиятельной партии.

В губерниях Черноземного Центра России эсеровские организации стали возрождаться сразу же после известия о победе Февральской революции. Весной ряды партии существенно пополнились за счет крестьян, городских средних слоев, мелких торговцев. В деревне эсеры пользовались особой популярностью. Нередко в партию крестьяне вступали целыми селениями. Так, в постановлении Бровкинского сельского общества Пригородной волости Путивльского уезда Курской губернии по этому поводу говорилось следующее: «Выслушав доклад о партиях, ныне существующих в России, мы, граждане Бровкинского общества, решили присоединиться к партии социалистов-революционеров, как наиболее соответствующей нашим интересам...»[678].

Известны случаи, когда в ряды партии стремились записаться даже бывшие стражники и урядники. Один из них, к примеру, имел место в Новооскольском уезде Курской губернии. Но в отношении таких лиц были сделаны отводы, так как «число желающих примкнуть к партии оказалось достаточным»[679].

К лету численность эсеровских организаций заметно увеличилась. В Курской губернии она выросла до 5 тысяч человек[680]. В Воронежской губернской организации в июне насчитывалось около 4,5 тысяч человек. В августе 1917 года ее численность возросла до 50-60 тысяч, а в октябре того же года она составляла около 100 тысяч человек[681]. Безусловно, многие партийные организации по своей структуре были расплывчаты и аморфны, сливались с массой беспартийных, сочувствующим эсеровским лозунгам. Поэтому достоверно выявить их численность сегодня не представляется возможным.

В Курской губернии в июле эсеровские группы оформились в Старооскольском, Новооскольском, Корочанском, Белгородском, Щигровском и Путивльском уездах. В августе они появились в уездах – Льговском, Дмитриевском,

[678] Курская жизнь. 1917. № 3.
[679] Там же. 1917. № 4.
[680] АУФСБ РФ по КО. Ф.10. Д.П. 12893. Т. 3. Л. 3.
[681] Социалист-революционер. 1917. № 16; Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Изд-во «Воронежская коммуна», 1934. С. 15.

Грайворонском, Тимском, Курском уездах. В ноябре эсеровские организации функционировали уже в 13 уездах[682].

Летом 1917 г. возродилась и одна из крупнейших в Курской губернии Щигровская организация эсеров. За короткое время ей удалось завоевать среди местных жителей достаточную популярность. Это стало возможным благодаря тому, что в этом уезде было очень много сторонников эсеров. Большинство из них в годы реакции испытали на себе репрессии царизма. Часть крестьян арестовывали за участие в аграрном движении и крестьянском восстании в годы революции 1905-1907 гг. После Февральской революции они возвратились на родину со ссылки и каторги и сразу же включились в революционную работу.

О популярности эсеров среди жителей Тамбовской губернии свидетельствует «Приговор общества села Старого Грязного». В нем, в частности, отмечалось следующее: «Глубоко верим идеалам любимой нашей многострадальной партии социалистов-революционеров, а потому и жертвуем на ее нужды для борьбы за освобождение труда, земли и воли 75 рублей от имени всего общества...»[683]. Группы эсеров появились в Тамбовском, Моршанском, Козловском, Борисоглебском и других уездах. Губернские и, уездные эсеровские комитеты занимались формированием волостных отделений партии.

Так, из 180 волостей Воронежской губернии эсеровские организации были образованы в 104-х. Крестьянские союзы партии социалистов-революционеров возникли в Воронежском, Бирючавском, Валуйском, Землянском, Новохоперском, Острогожском, Павловском и Бобровыском уездах. Только в Воронежском уезде, к примеру, союзы появились в селах Ушановке (93 человека), Выкрестово (200 человек), Гремячьем (23 человека), Усманских выселках (18 человек), Рыканских выселках (43 человека). Всего же по губернии в августе 1917 года в крестьянские союзы входило более 2-х тысяч человек. К осени 1917 года число крестьянских братств и союзов увеличилось в несколько раз. По данным В.М. Фефелова, только в Острогожском уезде Воронежской губернии в октябре насчитывалось 40 крестьянских союзов, в которые входило до 13 тысяч человек[684].

[682] Курская жизнь. 1917. № 4, 26, 52.
[683] Дело деревни. 1917. № 3.
[684] Земля и воля. 1917. 22 сентября; Социалист-революционер. 1917. № 1; ЦДНИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 299. Л. 1;Фефелов В.М. Октябрьские события 1917 г. в Острогожском уезде // Острогожский

Многие крестьянские братства, руководимые эсерами, буквально с первых дней их существования сумели наладить организационную работу. Показательна в этом плане деятельность крестьянского союза ПСР с. Выкрестово. Он насчитывал около 200 человек, что составило треть взрослого населения села. В июне был разработан устав союза, избран комитет и ревизионная комиссия. Председателем союза стал учитель Иван Федорович Недолужко. В состав комитета вошли А.А. Сергеев, Е. Недолужко, Д.Г. Власов, В.И. Москалев. При комитете действовала библиотека-читальня, в которую поступали книги и газеты из Воронежа, Москвы и Петрограда. Благодаря умелой организаторской деятельности руководства союза, крестьяне имели возможность познакомиться не только с местной газетой («Социалист-революционер»), но и с центральными газетами («Дело народа», «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов». «Земля и Воля»). Кстати, часть литературы комитет приобретал на свои деньги. Касса союза состояла из членских взносов, которые составили в августе 1917 г. 200 рублей[685].

Волостные эсеровские группы появляются и в Тамбовской губернии. О создании одной из них рассказывалось на страницах газеты «Дело деревни»: «26 августа на одном из собраний, которое проводилось эсерами в деревне Афанасьевке, был заслушан доклад об основных программных положениях партии. Они были близки и понятны крестьянам. Поэтому все присутствующие (26 человек) записались в организацию и избрали ее комитет из 4 человек»[686]. Всего же в Тамбовской губернии в июле-августе 1917 года были оформлены Тамбовская городская и уездная организации, а также Кирсановская, Козловская, Липецкая, Моршанская, Усманская, Елатомская, Темниковская, Спасская, Борисоглебская, Лебедянская организации[687].

Не имея возможности широко развернуть среди населения устную пропаганду, эсеры восполняли этот пробел с помощью печатных изданий. Так, Курским губернским комитетом за три месяца было издано и распространено около ста брошюр и листовок, четыре номера газеты «Земля и Воля». С 1 июля комитет стал, к тому же, выпускать и еженедельную газету

край: прошлое и настоящее. 350-летие его заселения и его хозяйственного освоения. Тезисы XI-й областной научно-практической конференции. Воронеж, 1997. С. 22-24.

[685] Социалист-революционер. 1917. № 21.

[686] Дело деревни. 1917. № 12.

[687] Протокол 2-го Тамбовского Губернского съезда П.С.Р. Тамбов, 1917. С. 1-2.

«Курская жизнь». Курировала эту работу редакционная комиссия. В нее входили эсеры Трубицкий, Власов, Васильев, И.Я. Праведников и Н.Н. Рождественский.

Нужно заметить, что эсеры уделяли большое внимание пропагандисткой деятельности. При губернских и уездных комитетах имелись библиотеки, книжные лавки, где хранилась революционная литература. Так, в Курском губернском исполнительном комитете Совета крестьянских депутатов можно было приобрести следующие книги, изданные губернским комитетом партии социалистов-революционеров: «Программа партии социалистов-революционеров в популярном изложении», «Как и почему народ уничтожил старую власть и за что он борется?», «Земельный вопрос в России по программе партии социалистов-революционеров» и т. д. Кроме того, здесь имелись книги, изданные в Москве: «Как крестьянам дали волю», «Земля и воля трудовому народу», «Аграрный вопрос и современный момент» и т. д. Значительное количество литературы издавали на месте. К примеру, с февраля по июль 1917 года Курским губернским комитетом было издано десять тысяч брошюр.

Появились также эсеровские газеты в Воронеже – «Социалист-революционер» (с 18 октября 1917 г. эта газета стала называться «Голос труда»), «Интернационал» в Тамбове («Голос деревни»), «Курская жизнь» в Курске.

С целью привлечения самых широких масс к издательской деятельности эсеры высказывали самые разнообразные предложения. Так, участники 2-го Тамбовского губернского съезда социалистов-революционеров единогласно проголосовали за создание кооперативного товарищества, которое должно было заниматься изданием брошюр и газет. Они также поддержали идею организации книжного склада. Кроме того, съезд рекомендовал уездным комитетам отчислять на издательство суммы из своих средств, а также организовывать заемы, выпуски писем «в пользу издательства». Так, в Моршанском уезде комитет выпустил заем на сумму до 5 тысяч рублей.

На страницах своих газет эсеры призывали трудящихся не верить плакатам и книжкам, «отпечатанным в буржуазных типографиях», и препятствовать их распространению. «Где подобные издания имеются, немедленно их уничтожайте как вредные книжки, вносящие смуту и беспорядки, - писала «Курская жизнь». - Доверяйте только тем книжкам, на которых стоят слова «В борьбе обретешь ты право свое», «Издание партии социалистов-революционеров» или «Совет крестьянских депутатов»[688].

[688] ГАКО. Ф. Р-865. Оп. 1. Д. 3. Л. 48.

Но известие о роспуске Учредительного собрания страна встретила с редким безразличием. Вслед за собранием был разогнан и 3-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов - около 300 делегатов, объединившихся на эсеровской платформе защиты Учредительного собрания. 10 января часть членов исполкома съезда была арестована прямо в помещении съезда, остальных делегатов (по 5 человек) выводили в вестибюль, обыскивали и отпускали. Органы печати в Петрограде и в Москве, осудившие разгром Всероссийского Учредительного собрания, за небольшим исключением, были закрыты, тиражи уничтожены. Все это вместе взятое свидетельствовало о полной и открытой ликвидации формальной демократии во имя революционной диктатуры.

В губерниях Черноземного Центра открытых выступлений в поддержку Учредительного собрания не наблюдалось. Однако на крестьянских съездах разгорелась острая борьба между партиями по вопросу о том, кому в стране должна принадлежать власть. Эсеры отстаивали идею формирования однородного социалистического правительства. Но, к сожалению, правительство широкой социалистической коалиции тогда не было создано. И виноваты в этом не только эсеры. Насилие, примененное большевиками для прекращения работы Учредительного собрания, вскоре переросло в революционный террор по отношению к инакомыслящим.

Таким образом, голосование граждан Центрального Черноземья показало положительное отношение к Учредительному собранию. По их мнению, оно должно было решить вопрос о земле, о мире, о власти. Учредительное собрание, в их понимании, должно было стать залогом сохранения гражданского мира в стране. Избиратели голосовали, в основном, по партийному принципу. И хотя большинство весьма смутно разбиралось в партийных программах, предпочтение было отдано партиям с наиболее броскими лозунгами. Такой партией в Центральном Черноземье и оказалась партия социалистов-революционеров. Именно ей население региона доверило свою дальнейшую судьбу.

Проведение выборов в Учредительное собрание эсеры считали одной из главных задач партии. Поэтому летом-осенью 1917 года они развернули широкомасштабную агитационную кампанию по выборам. В декабре повсеместно проходили собрания трудящихся губерний Центрального Черноземья в поддержку российского парламента. Об этом красноречиво свидетельствуют протоколы общих собраний, где стоят подписи десятков людей. И все же фактов массового недовольства населения исследуемого региона политикой большевиков по отношению к Учредительному собранию нами не зафиксировано. Население Центрального Черноземья, как и

страны в целом, санкционировало деятельность большевиков на утверждение однопартийной системы. Однако, как считает Л. Протасов, «было бы наивно думать, что большевики одной лишь силой навязали народу свою волю»[806]. Решив до Учредительного собрания жизненно важные для страны вопросы о земле и мире, большевики, тем самым использовали это как главный аргумент для удержания власти в своих руках. И народ, поверив их лозунгам, шагнул в сторону антидемократизма. По этому поводу В.М. Чернов восклицал: «...За истекший месяц сделано все для того, чтобы создать кадры покорной и озлобленной вооруженной черни. Люмпен-пролетариат - чудесная вещь, чтобы быть пьедесталом насильственной диктатуре...»[807].

6. Борьба между партиями в конце 1917 - первой половине 1918 гг.

Процесс установления Советской власти в губерниях Центрального Черноземья растянулся с октября 1917 года по март 1918 года. Быстрее всего власть перешла к Советам в Воронеже (30 октября). В Острогожске она была установлена еще раньше– 28 октября. Затем– 10 ноября– в Новохоперске, 1 января – Землянске, 8 января – Бобровске, 10 января – Нижнедевицке, 25 января– Валуйске; в феврале –Коротоякске, Павловске, Бирючанске, Задонске и марте – в Богучарске. По данным анкет, поступившим из 85 волостей, волостные Советы были организованы в 1918 году: в январе – в 16 волостях; феврале– 46; марте– в 16[808].

В Курской губернии, в результате сильного влияния пролетариата Харькова, установление Советской власти началось с южной части: в октябре-ноябре Советская власть победила в Белгороде, Старом Осколе, Льгове.

В Тамбовской губернии власть перешла к Советам первоначально в городах, находящимся недалеко от Воронежа– в Усмани (10 ноября) и Козлове (30 ноября). 15 ноября 1917 г. было объявлено о переходе власти к Советам на всей территории Моршанского уезда. В марте 1918 года Советская власть победила в городах и селах Елатомского, Борисоглебского, Кирсановского, Лебедянского, Спасского, Темниковского уездов[809].

---

[806] Протасов Л.Г. Хозяин земли русской // Родина. 1993. № 10. С. 105.

[807] Очерк В.М. Чернова. Указ. соч. С. 123.

[808] Соболев П.Н. Указ. соч. С. 127.

[809] Очерки истории Курской организации КПСС. Воронеж, 1978. С. 81; Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны

53. КАРПОВ ПИМЕН ИВАНОВИЧ (19.08.1884 г. - 27.05. 1963 г.) родился в селе Турки Рыльского уезда Курской губернии в семье многодетного безземельного крестьянина - старообрядца. До 13 лет батрачил вместе с другими малолетними братьями. Обучался грамоте у псаломщика А.И. Рыболова. В годы первой российской революции примкнул к революционному движению. В то время среди крестьян Рыльского уезда были популярны идеи партии социалистов-революционеров. Пимен Иванович полностью разделял взгляды эсеров. Вместе с односельчанами принимал участие в организации сельскохозяйственных забастовок. За участие в революционной борьбе был заключен в Рыльскую тюрьму. Вскоре бежал в Финляндию, затем перебрался в Петербург. Здесь начал писать статьи в газеты, которые выходили в Петербурге («Наша жизнь», «Товарищ», «Русь», «Двадцатый век», «Око»). Кроме того, было опубликовано несколько корреспонденций в газете социалистов-революционеров «Курская весть» («Курская жизнь»). В них рассказывалось о революционном движении в Рыльском уезде. Так постепенно П.И. Карпов стал заниматься литературной и журналистской деятельностью. Работал в газетах «Товарищ», «Столичная почта». В 1909 г. была издана его первая книга - сборник стихов-памфлетов «Говор зорь». Страницы о народе и интеллигенции» («Горящие зори»). И удивительно, слова курского самоучки о том, что интеллигенция «ограбила народ духовно» и вдобавок исподтишка подталкивала правительство на расправу с мужиками, взволновали многих современников. Александр Блок, например, заверил начинающего публициста, что «эта книжка не пройдет бесследно». Лестные отзывы о книге незадолго до своей кончины дал Лев Толстой («Биржевые новости» от 1 декабря 1909 г. и «Русская мысль», февраль 1911 г.).

Книга «У плуга. Умны крестьяне русские» была напечатана в 1910 г. Она сразу же была запрещена к продаже как подрывающая устои существующего строя.

В 1912 г. в свет выходит еще одна книга Пимена Карпова - стихи под названием «Знойная Лилия». И, наконец, скандально известный роман «Пламень» был закончен в 1914 г. Его публикацию современники сравнивали с литературным землетрясением. Роман имел подзаголовок: «Из жизни и веры хлеборобов».

П.И. Карпов сильно отличался от коллег-очеркистов. Вместе с Николаем Клюевым он фактически зачинателем «новокрестьянского» направления в литературе - более радикального идеологически и более раскованного эстетически.

Роман «Пламень» заметили не только критики, но и власть имущие. Прокуратура возбудила дело, по которому П.И. Карпова обвинили в революционной пропаганде, богохульстве и порнографии. Святейший Синод добился конфискации книги и почти весь тираж угодил в топку. Лишь первая мировая война спасла П.И. Карпова от неминуемой тюрьмы.

Одновременно П. Карпов принимал участие в работе революционных кружков социалистов-революционеров Петрограда. Во время военной службы в первом запасном пехотном полку проводил агитационную работу среди солдат, организовал революционную ячейку. Его полк в числе первых восстал против существующего строя. После Февральской революции Карпов возвратился в родной Рыльский уезд. Занимался революционной деятельностью. Его избрали в волостной, затем уездный исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов. Баллотировался он и в депутаты Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров по Рыльскому уезду. К сожалению, не набрал нужного количества голосов.

Постепенно осуществляются и разнообразные творческие планы: изданы поэтические сборники «Звездь» и «Русский ковчег», книги рассказов «Трубный голос» и «Погоня за радостью», пьесы «Богобес» и «Три зари». Но уже к концу двадцатых годов тучи над Карповым сгущаются. Краткая литературная энциклопедия (1931) занесла писателя в черный список «художников» патриархально-кулацкой деревни».

П.И. Карпов к большевистскому режиму относился весьма настороженно. В блистательном памфлете «Исповедь дурака» свое отношение к правящей партии он выразил следующими словами: «Рабы, своими мы руками с убийцами и дураками Россию вколотили в гроб». Карпов обращается к «дураку» (а таковым мог считать себя каждый, кто нейтральным безучастием или тем паче активной поддержкой способствовал триумфу Октябрьского переворота):

В кровавом раже идиотском
Ты куролесил с Лейбой Троцким,
А сколько этот шкур дерет -
Сам черт того не разберет!
Но все же толковал ты с жаром:
«При Лейбе буду лейбгусаром!»
Увы! - остался ни при чем:
Ильич разбит параличом,
А Лейба вылетел «в отставку»!
С чекистами устроив давку
И сто очков вперед им дав,
Кавказский вынырнул удав -
Наркомубийца Джугашвили,
При нем волками все завыли...

Самое удивительное в данном произведении – дата написания: 1925 год! Только-только вскарабкался на вакантный трон Сталин, а у Пимена Карпова уже не было иллюзий относительно «светлого будущего» страны под пятой «наркомубийцы». Не менее поразительно и то, что «Исповедь дурака» так и не была обнаружена.

В 1933 г. Карпову удалось напечатать книгу «Верхом на солнце». В 1934 г. он стал членом Союза писателей. Однако многочисленным стихам и рассказам Карпова не суждено было увидеть свет. Писатель не был репрессирован в годы сталинского террора, что удивительно для человека с эсеровским прошлым. Но не менее тяжелый период своей жизни ему пришлось прожить на свободе, в издательской блокаде. Она растянулась на четверть века. И только в 1954 году в издательстве «Советский писатель» была опубликована автобиографическая повесть П.И. Карпова «Из глубины». Умер писатель в родной деревне Турка в 1963 году. Похоронен там же. И снова долгие годы забвения. Только в 1991 г. появились первые исследования о литературной деятельности П.И. Карпова. В 1995 г. наконец-то были организованы первые карповские чтения. С этого времени в Хомутовском районе они проводятся ежегодно. Редакция Хомутовской районной газеты при поддержке районной администрации решила учредить премию имени П.И. Карпова, целью которой является пропаганда творчества самобытного писателя, народного творчества вообще, а также достижений работников литературы, искусства, активизация их деятельности в народном, краеведческом направлении.

54. КАМЕНЕВ ВАСИЛИЙ ЕВГРАФОВИЧ – русский. Сын разорившегося помещика и крестьянки; родился в 1879 г. в Курске; образование домашнее. В 1901 г. был сослан в административном порядке на 3 года в Енисейскую губернию за покушение на купца и производство взрыва в курском монастыре. Бежал из ссылки в Петербург в сентябре 1903 г. Работал в Петербургской организации ПСР под именем «Петра Федосеевича Федосеева», участвовал в подготовке покушения на Министра внутренних дел Плеве. Арестован в феврале 1904 г., сидел в Крестах и Петропавловской крепости. Однако за недоказательностью причастности к покушению был сослан административно на 5 лет в Архангельскую губернию. Амнистирован в октябре 1905 г. До 1907 г. работал в военной организации и в группе террористов Петербургской организации ПСР. Арестован в Петербурге и в октябре 1907 г. осужден петербургским В.- О. С. за принадлежность к группе террора на 10 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости до 1911 г. в Вологодской тюрьме, затем до 1916 г. – в Ярославской каторжной тюрьме; 1916-1917

гг. был отправлен в ссылку в Енисейскую губернию. Член ВОБПКиС, билет № 1150.

55. КИСЕЛЕВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ – русский, сын рабочего, батрак; родился в 1874 г. в Тамбовкой губернии, образование низшее. В 1904-1906 гг. работал в организации ПСР Тамбовской губернии. Распространял литературу, вел агитацию и участвовал в крестьянских беспорядках. В 1906 г. был арестован и препровожден Саратовской Судебной Палатой к 4 месяцам тюрьмы, в 1907 г. – присужден по 1 ч. 126 ст. УУ к 4 годам каторги. В 1908 г. осужден Тамбовским ОС за разгром винной лавки во время крестьянских беспорядков по ст. 1459, 1629, 1632 УН на 15 лет каторги; еще судился в 19098 г. и приговорен тамбовским О.С. к 2, 5 годам тюрьмы; 1912-1917 г. – находился на Казаковском прииске Нерчинской каторги. Член ВОБПКиС, билет № 2399.

56. КОСТИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – русский, сын ротного фельдшера; родился 1 марта 1887 г. в с. Усмань Воронежской губернии, учился в учительской семинарии. В 1905 г. вошел в Воронежскую группу ПСР, был членом ученического революционного кружка, членом крестьянского братства и крестьянского союза. Арестовывался в 1906 и 1907 гг. После 1, 5 месяцев тюрьмы исключен из семинарии и выслан в г. Елец Орловской губернии. Вскоре вернулся в Воронеж и принял участие в подготовке покушения на жизнь губернатора Бибикова. В августе 1907 г. арестован и осужден по 2 ч. 102 ст. и 132 ст. УУ за принадлежность к ПСР и хранение оружия в ссылку, которую отбывал в Енисейской губернии. Из ссылки неоднократно бежал. За побеги подвергался арестам. В 1910 г. Красноярский окружной суд приговорил его к 3 годам каторги, которую отбывал в Александровском централе. В 1913 г. выслан в с. Янды Иркутской губернии. До 1917 г. жил в Усть-Уде, Черемхове, Иркутске и Бодайбо. Работал на угольных копях, на кожевенном заводе и служил в Союзе городов. Член ВОБПКиС, билет № 1916.

57. КНЯЗЕВ АНДРИАН МИХАЙЛОВИЧ – русский, сын землевладельца, земледелец; родился в 1878 г. в с. Кочетовка Воронежской губернии, учился в сельской школе. В 1906 г. вел агитацию среди крестьян Семидесятской волости Воронежской губернии, участвовал в организации крестьянских братств ПСР и в обезоруживании стражников при усмирении крестьян. Арестован в 1907 г. и 5 мая 1909 г. Временным Военным Судом в Воронеже приговорен к 4 годам каторги по 2 ч. 102 ст. УУ за принадлежность к Кочетовскому крестьянскому братству. Каторгу отбывал в Воронежской тюрьме до 1910 г. и во Владимире до 1912 г., после чего водворен в Коростепскую волость Иркутской губернии, где работал батраком. Беспартийный, член ВОБПКиС, билет № 2110.

которая якобы боролась против Советской власти. При обыске у нее обнаружили 17 экземпляров эсеровских газет и журналов, а также 45 экземпляров «революционных книг», запрещенных цензурой. Незадолго до ареста Шавердо собиралась передать их краеведческому музею как историческую ценность. Кстати, до 1937 года она систематически сдавала подобную литературу в музей…

Паулину Наполеоновну обвинили также в том, что она проводила антисоветскую агитацию среди населения. Она же организовала сбор денег на строительство памятника (или ограды) бывшему народовольцу Прибылеву…

Ее расстреляли 9 декабря 1937 года. 16 января 1989 года Паулина Наполеоновна Шавердо была посмертно реабилитирована Указом Президиума Верховного Совета СССР…

146. ШАПКИН ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – русский, родился 29 января 1887 г. в с. Поворине Воронежской губернии. Окончил техническое железнодорожное училище. В 1904 г. состоял в кружках РСДРП, затем ПСР. В 1905 г. вошел в Борисоглебскую, Тамбовскую губернскую группу ПСР, принимал участие в октябрьской железнодорожной забастовке, за что в апреле 1906 г. подвергался местному аресту. По освобождении работал в Тамбовской организации ПСР, состоял в боевой дружине, распространял листовки. Арестован в августе 1907 г. за участие в восстании Всероссийского Железнодорожного Союза. После 2-х месячной «отсидки» в Новохоперске, выслан в Елец Орловской губернии. В 1908 г. содержал конспиративную квартиру и хранил литературу в г. Петровске Саратовской губернии. В июле того же года был арестован и перевезен в Саратов. 8 декабря 1910 г. осужден на поселение. Отбывал наказание в Ичерской волости Иркутской губернии. Работал на Воронцовских приисках в 1914-1916 гг. чертежником. В 1916 г. переехал в Черемхово, затем в Барнаул, где служил до 1917 г. Член ВКП (б), член ВОБПКиС.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

САЛТЫК Галина Александровна

НЕОНАРОДНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ: 1901-1923 гг.

Монография

Компьютерная верстка И.П. Салтык
Издательство "Прометей" МПГУ
Лицензия ДР № 020457 от 22 июля 1997 года

129278, Москва, ул. Кибальчича, 6, стр. 2.
Тел.: (095) 283-15-65, 283-53-60
E-mail: prometei-mpgu@mail.ru

Сдано в набор 02.06.2002. Подписано в печать 02.09.2002 .
Формат 60x90/16 Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. 36,0 Тираж 1000 экз. Заказ № 179

129278, Москва, ул. Кибальчича, 6
Типография МПГУ